

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HDI

HW 6DPB I

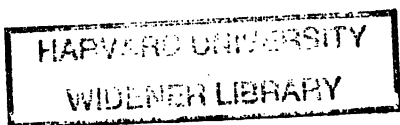
РУССКІЯ
ПРОСТОНАРОДНЫЯ
Л Е Г Е Н Д Ы.

(Дополненныя восемью новыми).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Марта 16 дня 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

Въ типографіи **Ф. И. Иванова.**

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ПАВЛУ МИХАИЛОВИЧУ

НОВОСИЛЬСКОМУ.

Въ знакъ искренной признательности

посвящаетъ рассказчикъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Широка ты, велика и раздольна Русь, матушка родимая. Всѣмъ, всѣмъ ты богата, всего у тебя много, всѣмъ тебя Богъ наградилъ, не просишь ты ни у кого въ займы,—свое есть. Сколько по тебѣ раздольной Руси матушкѣ носится красныхъ разсказовъ. Часто слышатся эти рассказы въ русской закоптелой избѣ, подъ вечерокъ, съ широкой русской печи. Сѣдой дѣдушка разсказываетъ своимъ малымъ внучатамъ разныя небылицы, а тѣ, розина рты, слушаютъ и дивятся чудесамъ, про которые разсказываетъ дѣдушка. Дѣдушка, говорю я; а спросили бы меня: Многоли дискать тебѣ-то лѣтъ? Что станешь отвѣчать, что скажешь,

VIII

вѣдь соврать то нельзя, надо признаться, что и я дѣдушка, старъ я, больно старъ: волосы на головѣ моей бѣлы, какъ снѣгъ ранній, лице сморщено, туловище сгорбилось, ноги дрожатъ, руки трясутся... а все отъ старости. Эхъ старость, старость, нигдѣ не найдешь такого человѣка, который былъ бы радъ тебѣ, дряхлой. Ну да Богъ съ тобою; отойдите отъ меня такія тяжелыя мысли, нужно о дѣлѣ рассказывать, нужно переговаривать чужія рвчи слышанныя, дайко и я взлезу на печь и начну семерымъ своимъ внучатамъ рассказывать: они тоже разинутъ рты, какъ и чужія внучата отъ рассказовъ своего дѣдушки, а много я видалъ такихъ и внучатъ, и дѣдушекъ, напорядкахъ; я измололъ таки Русь матушку, проходилъ ее родимую изъ конца въ конецъ, навидался всякихъ людей и народовъ, наслушался и этихъ рассказовъ, которые хочу сей часъ рассказать вамъ. Много ихъ я знаю, много ихъ на Руси

IX

матушкѣ, а возьми любой изъ нихъ, хоть самой плохонькой, ужъ знаешь, что это не правда, а слушаешь съ радостію, потому, что каждый разсказецъ не такъ попустому выдуманъ, а непременно съ пользою для человѣка, даетъ примѣромъ хотя какое ни на есть да правоученіе. Вотъ и я начинаю разсказывать а вы слушайте да понимайте.

Разсказчикъ.

Три булки.

Жилъ былъ пономарь, и былъ онъ горькій пьяница, а доходу почти ничего не имѣлъ, потому что храмъ былъ въ глухомъ и безлюдномъ мѣстѣ. Надоѣло этому пономарю сидѣть безъ денегъ. Взялъ онъ ключи, заперъ храмъ, ключи-же бросилъ въ бурьянъ и пошелъ куда глаза глядятъ. Вотъ идетъ онъ путемъ и дорогою, да думаетъ, куда ему лучше идти? только вдругъ и слышитъ, что кто то тихонько, ударилъ его по плечу рукою. Пономарь оглянулся и видитъ, что сзади его стоитъ старичекъ съдинойкой и говоритъ: «Послушай добрый человекъ, скажи мнѣ куда ты идешь?

— Да и самъ не знаю, иду куда глаза глядятъ былъ я въ пономаряхъ, да наскучило жить мнѣ, доходу ничего нѣтъ, такъ вотъ я бросилъ запер-

тый храмъ и пошелъ 'куда глаза глядятъ, не раздобудусь-ли гдѣ деньгами. «Пойдемъ со мною вмѣстѣ я тоже иду, куда глаза глядятъ, куда вѣтеръ понесетъ.

— Пожалуй пойдемъ, ты отъ меня моего хлѣба не отобьешь. Вотъ они и пошли, шли, шли и подошли къ рѣкѣ, а ужъ начинало меркнуть на небѣ, вотъ старикъ и говоритъ пономарю: «Будетъ сего дня идти, пойдемъ завтра съ утра, а теперь вотъ сядемъ на бережку, у меня есть три булки; по одной мы съѣдимъ сегодня, а одну оставимъ на завтра; на вотъ тебѣ одну булку, а вотъ другую мнѣ, а третью завтра съѣдимъ. Вотъ сѣли они на берегъ рѣки, поѣли булокъ, да и легли спать; старикъ скоро заснулъ, а пономарю не спалось, онъ вертѣлся, вертѣлся, нѣтъ, не спится ему. вотъ и пошелъ онъ прогудяться. Гулялъ, гулялъ, старикъ спитъ, будить его еще рано, а ѣсть ему хочется. Вотъ онъ походилъ, походилъ, подумалъ, подумалъ, да потомъ и подошелъ къ старику видить, что старикъ спитъ крѣпко, взялъ третью булку, да и съѣлъ. Потомъ и легъ спать, какъ будто ничего не знаетъ. Старикъ проснулся, и сталъ его будить. Пономарь всталъ и пошелъ умываться вмѣстѣ со старичкомъ къ рѣкѣ. Тогда ему старичекъ и говоритъ: «Ну, мы теперь раздѣлимъ съ

тобою булку, которая осталась, поѣдимъ да и опять въ путь; намъ надо будетъ эту рѣку переходить. Поѣдимъ пожалуй, говоритъ старичку пономарь, а самъ думаетъ, хватился ужъ, я давно булку то и одинъ съѣсть успѣлъ. Вотъ старикъ и сталъ искать булку, гдѣ же булка, ты бралъ? Нѣтъ, не бралъ. Такъ гдѣ же она? Незнаю, ей Богу незнаю. Смотри, бралъ, больше дѣтся некуда? Да вѣтъ я же говорю, что не бралъ. Бралъ, смотри, признайся, все вѣдь равно ужъ. Да говорятъ, что небралъ и божусь тебѣ, что небралъ, ну, говоритъ старичекъ, небралъ, такъ небралъ; пойдѣмъ въ путь, иди за мной черезъ эту рѣку, она не глубока кажись, вотъ старичекъ и пошелъ, а за нимъ и пономарь, а какъ стало мѣсто глубокое, тогда старичекъ и поплылъ и пономарь поплылъ; только онъ плавалъ худо, доплылъ до середины и сталъ тонуть, тутъ онъ испугался и закричалъ старичку: спаси меня, тону! Старичекъ подплылъ къ нему и говоритъ: если хочешь, чтобъ я тебя спасъ отъ смерти, то скажи теперь, откройся, вѣдь ты съѣлъ третью булку. Неѣлъ, право неѣлъ, и пономарь сталъ клясться. Ну, ну ладно не клянись, сказалъ старичекъ и вытащилъ пономаря на берегъ. Посидѣли они немного на берегу и пошли въ дорогу. Шли, шли, ужъ ночь стала становится и приходять

они въ городъ. Походили по городу, попросились кое гдѣ ночевать, никто ихъ не пускаетъ и приходятъ они къ одному дому, постучались, ночевать попросились, ихъ и впустили. Хозяинъ дома былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и дѣлалъ драгоценные запястья царской дочери къ ея свадьбѣ. Вотъ наши путники переночевали, а утромъ поблагодарили хозяина и пошли опять въ дорогу. Только они отошли нѣсколько отъ дома, какъ вдругъ бѣжить хозяинъ, схватилъ ихъ и закричалъ «стража.» Стража подошла, тогда хозяинъ объявилъ, что они у него сегодня начевали и украли запястье, которое онъ дѣлалъ царской дочери. Стража тотчасъ обыскала пономаря и нашли у него въ сапогѣ запястье. Пономарь и клялся и отговаривался всячески, что онъ небралъ запястья и не знаетъ, какъ оно къ нему въ сапогъ попало, его не стали слушать и повели въ темницу, а старичька отпустили. Скоро узналъ самъ царь, что было украли запястье его дочери и приказалъ вора на огнѣ сжечь. Пономарь сидитъ въ темницѣ и горько плачетъ, что пропадаетъ за напрасно, а ему осталось жить только три часа. Вдругъ, темница отворилась и къ пономарю пришелъ старичекъ, его спутникъ. Послушай, сказалъ старичекъ, тебѣ не долго жить осталось, признайся мнѣ съѣлъ третью булку!

Отойди ты отъ меня съ твоей булкой, не ужели ты думаешь, что я бы тебѣ давно не сказалъ что я съѣлъ. Послушай, сказалъ старичекъ, булкѣ дѣться больше было некуда, если бы ты не взялъ; ты только признаться не хочешь, а если ты признаешься то я тебя отъ смерти избавлю. Избавь меня отъ смерти, будь отецъ родной, я за даромъ пропадаю, такъ сталъ пономарь молиться старичку. Ладно, изволь, сказалъ старичекъ, только признайся, съѣлъ вѣдь третью булку? Ахъ какой ты, клянусь тебѣ, что я неѣлъ. Ну, ну ладно некланись, сказалъ старичекъ, пойдемъ вонъ; старичекъ взялъ пономаря за руку и вышелъ съ нимъ изъ темницы. Вотъ идутъ они путемъ дорогою и приходятъ въ другое царство, было уже ночное время, постучались они къ хижинкѣ, попросились на ночлегъ, старушечка старенькая впустила ихъ, накормила, и стала рассказывать, что у ихъ царя дочь нездорова, всякія доктора и лечить отказались и царь сулитъ тому кто ее вылечитъ половину своего царства. Вотъ наши путешественники выслушали старуху, да и спать легли, а утромъ встали, поблагодарили старушку и пошли вонъ. Старичекъ и говоритъ пономарю: пойдемъ возьмемъ у царя дочь лечить полцарства получимъ. Да какъ же мы возьмемъ, вѣдь я по-

пономарь а не знахарь какой, вотъ развѣ ты можешь, такъ другое дѣло? Могу, ладно, говоритъ старичекъ, пойдѣмъ. Вотъ приходятъ они къ царю и объявляютъ, что берутся его дочь отъ болѣзни излечить. Царь обрадовался, повелѣ ихъ къ дочери, та лежитъ какъ мертвая, старичекъ посмотрѣлъ на нее и говоритъ: царь, намъ нужно съ нею однимъ остаться. Царь ушелъ а старичекъ вынулъ изъ кармана ножикъ и отрезалъ голову царской дочери, потомъ и всю ее разрѣзалъ. Пономарь смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ пустился бѣжать, а старичекъ его и удержалъ: нѣтъ, говоритъ, не бѣги, а подожди, что дальше будетъ. Потомъ, взялъ онъ, собралъ всѣ кусочки, перемылъ, сложилъ какъ слѣдуетъ, дунулъ и царица встала совсѣмъ здоровою; пономарь чуть плясать не пустился съ радости. Старичекъ взялъ царицу подъ руку и повелѣ къ царю. Царь обрадовался, поцѣловалъ старичка и говоритъ: проси чего хочешь. Вотъ старичекъ и говоритъ, дай ты мнѣ царь три мѣшка съ золотомъ, и чтобы во всѣхъ ихъ поровну было положено. Царь сейчасъ велѣлъ дать золото и отпустить съ честію лекарей. Вотъ старичекъ и далъ всѣ три мѣшка съ золотомъ нести пономарю и приходятъ они къ той самой рѣкѣ и къ тому самому берегу на которомъ пономарь третью бул-

ку съѣлъ. Тутъ и говоритъ старичекъ: садись будемъ золото дѣлить. Вотъ видишь ли этотъ мѣшокъ мнѣ, этотъ мѣшокъ тебѣ, а этотъ мѣшокъ тому, кто третью булку съѣлъ. Разбѣжались у пономаря глаза, повалился онъ старичьку въ ноги, батюшка, отецъ родной признаюсь, тебѣ я, съѣлъ третью булку. Тогда старичекъ и сказалъ ему ладно, прощаю тебѣ, ступай на старое свое мѣсто, гдѣ ты прежде служилъ, и служи у храма, а всѣ три мѣшка возми себѣ, съ ними можешь жить и безъ дохода, да поминай меня. Тутъ старичекъ пропалъ, а пономарь пошелъ на старое мѣсто и уже никому не жаловался, что доходу нѣтъ, даже и вино пить пересталъ.

Завистливый.

Жила была старуха, съ двумя сыновьями, и жили онѣ всѣ бѣдно пребѣдно, такъ, что часто и безъ хлѣба сидѣли. Старуха мать все плакала да охала, да потомъ вдругъ сдѣлалась больна, да въ посту и померла. Дѣти повыми, повыми, потомъ потише стали быть, потомъ еще тише, а потомъ и совсѣмъ перестали и пошли мать хоронить. Пришли на погостъ, вырыли могилу, да и хотѣли въ нее мать класть. Какъ вдругъ старшій братъ и увидалъ въ могилѣ. Котель съ деньгами. Вотъ онъ сказалъ младшему, вынули они вмѣстѣ котель, похоронили мать, да и пошли домой, денги считать. А какъ считать? не знаютъ, поштучкѣ сбиваются, а мѣрочки нѣтъ. Вотъ старшій братъ и надумалъ: подико, говоритъ брату, къ нашему сосѣду, да попроси мѣрочки. Вотъ и пошелъ братъ младшій къ сосѣду; приходитъ и говоритъ: дядюшка, дай мѣрочки. Сосѣдъ зналъ, что они бѣдныя, что имъ мѣрять нечего и спрашиваетъ: а зачѣмъ тѣ мѣрка? да мы, съ братомъ, кладъ нашли, такъ мѣрять

хотимъ, сколько денегъ, а такъ несочтешъ. Сосѣдъ далъ мѣрочку, а былъ онъ куда завидливъ. И когда ушелъ младшій братъ съ мѣркою, онъ и давай думать какъ бы ему эти деньги у нихъ отнять, да себѣ присвоить. Вотъ думалъ, думалъ онъ, да и придумалъ, что дѣлать нужно. Взялъ своего козла, зарѣзалъ его, снялъ съ него шкуру, со всѣмъ и съ рогами, и съ хвостомъ а какъ пришла ночь, надѣлъ онъ на себя шкуру, да и пошелъ къ двумъ братьямъ, которые кладъ нашли. Вотъ приходитъ онъ къ ихъ избушкѣ, стучится: тукъ-тукъ тукъ, а въ избѣ и спрашиваютъ его братья: кто тутъ, зачѣмъ? Чортъ пришелъ за своимъ кладомъ, говоритъ братьямъ сосѣдъ! Братья поглядѣли въ окно и видятъ, что стоитъ чортъ съ рогами, схватили котелокъ съ деньгами да и кинули его за двери. Вотъ тутъ-то сосѣдъ обрадовался, схватилъ котелъ съ деньгами, да и домой. Пришелъ онъ домой, отъ радости шкуру то снять позабылъ, высыпалъ всѣ деньги на столъ, да и давай ихъ цитать. Позабылъ про свой нарядъ и сидитъ какъ чортъ. Вдругъ приходитъ къ нему его жена ужинать звать, затѣмъ, что онъ изъ дома ушелъ безъ ужина. Только встала она на порогъ испугалась, видя что сидитъ чортъ, да такой страшный, упала и померла, не вымолвивъ слова. Мужъ тоже испу-

гался, а догадаться не можетъ, чего жена его испугалась, да ужъ тогда догадался когда о перегородку рогомъ задѣлъ, вотъ онъ сейчасъ и давай съ себя козлячью шкуру снимать, а она не тутъ-то было нейдетъ прочь приросла, рога тоже нейдутъ прочь, приросли, схватилъ онъ топоръ, чтобы срубить рога и этого нельзя сдѣлать больно. Бился бился, да такъ навсегда и остался съ рогами.

Благочестивая жена.

Въ одномъ селеніи жили три брата, очень бѣдные, одинъ изъ братьевъ любилъ очень лошадей и всегда говорилъ: если-бы мнѣ Богъ далъ такое богатство, что-бы я могъ много лошадей купить, то я-бы всѣхъ нищихъ, которые у меня попросились, всѣхъ бы возилъ, хоть сколько ни на-есть верстъ. А средній братъ говорилъ: если-бы мнѣ Богъ послалъ много денегъ, то я всѣмъ-бы бѣднымъ помогалъ, никогда-бы не отказывалъ. А третій братъ говорилъ: я не по прощу у Бога ни лошадей ни денегъ а если-бы мнѣ Богъ далъ жену благочестивую, то я всѣхъ бы бѣдныхъ принималъ къ себѣ и дѣлился бы съ ними, что Богъ послалъ-бы. Вотъ Богъ и услышалъ желаніе братьевъ и скоро исполнилъ. Старшій братъ разбогатѣвъ, завелъ конный заводъ; средній братъ разбогатѣвъ, сдѣлался купцомъ, а третій женился на бѣдной сиротинкѣ. Живутъ всѣ три брата, да поживаютъ. Старшіе двое построили себѣ хоромы, а младшій, по своей бѣдности, остался въ

старой избенкѣ. Живетъ онъ съ женою мирно, да счастливо, да благодарить Бога. Въ одно время къ старшему брату и пришли два старичка и стали просить его: сдѣлай милость добрый человекъ, пожалѣй насъ старичковъ убогихъ, доведи насъ до города? Нѣту, нѣту, много васъ здѣсь ходитъ, всѣхъ довозить, такъ и лошадей у меня нестанетъ. Но старички давай опять его просить, доведи, ради Христа. Вотъ богатый старшій братъ и говоритъ работнику: возьми, говоритъ, лошадь ту, на которой воду возилъ, да доведи этихъ стариковъ куда имъ надобно отвязись отъ нихъ. Старички сѣли и поѣхали, отѣхали они не далеко и говорятъ работнику, ступай ты съ Богомъ, назадъ, тутъ мы и сами дойдемъ. Сошли они съ тѣлеги и пошли по дорогѣ. Шли, шли эти старички, пришли къ дому средняго брата и видятъ, что онъ золото считаетъ одинъ старичекъ и говоритъ: подай Христа ради, добрый человекъ. Много васъ тутъ нищихъ ходитъ, всѣмъ не наподаешся, ступайте дальше. Подай батюшка, во имя Христово, говорятъ старички. Экія надоедливыя натѣ возьмите, говоритъ богачъ и бросилъ старичкамъ гривну. Старички взяли гривну и пошли дальше. Вотъ приходятъ они къ младшему брату, а его не было дома, была одна жена. Впусти матушка ночевать насъ, говорятъ

старички. Благочестивая жена впустила старичковъ, напоила, накормила и постѣль послала имъ на печкѣ, старички и пошли спать. Пришелъ мужъ, благочестивая жена и говоритъ ему: у меня два прохожихъ старичка въ гостяхъ. Мужъ былъ радъ гостямъ и спрашиваетъ жену: кормила ли она прохожихъ? Кормила, говоритъ жена. Ну! спасибо тебѣ давай и мнѣ ѣсть а я пойду прохожихъ поздраву. Вотъ подошелъ младшій братъ къ старичкамъ, кланялся имъ и просилъ ихъ садиться съ нимъ поужинать. Старички сѣли по ужинали, потомъ легли спать, а утромъ и говорятъ женѣ и мужу: завтра приходите къ намъ въ гости, мы за вами тѣлегу съ лошадыю пришлемъ. Простились съ мужемъ и женою, и пошли въ дорогу. Когда ушли старички тогда мужъ и говоритъ женѣ: пойдемъ въ гости къ старичкамъ. Нѣтъ, говоритъ жена, ступай ты одинъ, а я дома останусь. На другое утро мужъ увидалъ у своей избы запряженную въ тѣлегу лошадь и въ тѣлегѣ записка и написано, что лошадь сама привезетъ его. И точно мужъ сѣлъ, и скоро подъѣхалъ къ каменнымъ палатамъ, и его у нихъ встрѣтили тѣ два старичка, которые у него ночевали. Старички ввели гостя въ домъ, напоили, накормили его, и говорятъ ему: будь ты сегодня хозяиномъ въ нашемъ домѣ, а мы ненадолго отлу-

чимся изъ дома. Вотъ тебѣ возьми три ключа, можешь двумя ключами отпереть двѣ комнаты, а третью неотпирай. Отдавши ключи старички простились съ нимъ и пошли. Тогда мужъ взялъ одинъ ключъ, отперъ одну комнату и увидалъ тамъ котелъ съ смолою, а въ смолѣ сидитъ его старшій братъ и лошади ему плечи и голову зубами рвутъ. Онъ не могъ смотрѣть на мученіе брата, заперъ дверь и пошелъ въ другую комнату. Въ этой комнатѣ онъ увидалъ средняго своего брата, тотъ тоже сидѣлъ въ смолѣ и нѣсколько мѣшковъ съ золотомъ ему были повѣшены на голову и гнули его къ землѣ. Онъ немогъ смотрѣть на мученіе и этого брата; заперъ дверь и пошелъ прочь; но ему хотѣлось посмотреть въ третію комнату что тамъ такое, а нехотѣлось старичковъ послушаться; но немогъ онъ утерпѣть, думаетъ самъ просебя; посмотрю я въ третью комнату; признаюсь старичкамъ что согрѣшилъ *авось они* простятъ. Взялъ онъ третій ключъ и отперъ третію комнату. Тутъ онъ увидалъ, что въ мѣсто комнаты прекрасный садъ, въ которомъ ходитъ его жена и кормитъ птичекъ. Тогда онъ хотѣлъ подойти къ ней но она говоритъ ему: нѣтъ, ты неосмѣлся входить сюда спросись сперва у старичковъ, если они тебѣ позволяютъ, тогда ты можешь войти. Вотъ

онъ заперъ комнатку и пошелъ дожидать старичковъ. Пришли старички. Ну что, спрашиваютъ они: ходилъ подвумъ комнатамъ, видалъ братьевъ? Видалъ. Вотъ, говорятъ старички, это братья твои заслужили: старшій братъ, когда просилъ у Бога богатства, то обѣщалъ забывать бѣдныхъ людей, возить отъ города, до города убогую нищую братію, а какъ сталъ богатъ, такъ нищую братію и забылъ и отъ воротъ гонить, вотъ за это и онъ то получить, другой же братъ твой просилъ у Бога богатства обѣщалъ подавать нищимъ: то же забылъ, что обѣщалъ, тоже приказывалъ отгонять нищихъ отъ своего дома, и ему за это тоже. Но теперь, спросили старички, скажи ты намъ былъ-ли ты въ третьей комнатѣ. Не смѣя лгать предъ старичками повалился имъ онъ въ ноги и говорить; виноватъ, былъ. Тутъ и сказали старички если-бы ты неослушался насъ, то и ты-бы былъ тамъ, гдѣ твоя жена будетъ, а за то, что ты ослушался, поди и дѣлай добро, тогда и ты тамъ будешь. Тутъ старички и пропали. Мужъ взглянулъ, гдѣ онъ и увидалъ, что онъ дома, подлѣ своей жены.

Купцово счастье.

Жилъ былъ одинъ богатый купецъ, у котораго былъ пивоварный заводъ, купецъ этотъ былъ женатъ и имѣлъ дочь. Въ одно время попросились къ нему ночевать три старичка, купецъ ихъ впустилъ и положилъ спать близь себя, только посреди ночи и слышитъ ихъ, разговариваютъ эти старички, одинъ изъ нихъ и спрашиваетъ другаго: скажи мнѣ, какое ты дашъ счастье тому ребенку, который родился въ сію минуту въ такой то деревнѣ у такого то крестьянина. Дамъ я ему, отвѣчаетъ старичекъ, счастье этаго купца, у котораго мы сего дня ночуемъ. Тутъ старички говорить перестали, поднялись съ постели и пошли вонъ изъ дому. Купецъ слыхалъ что говорили старички и говоритъ самъ себѣ: нѣтъ этому небывать, чтобы этотъ крестьянскій мальчикъ владѣлъ моимъ имѣніемъ. На другой день этотъ купецъ отправился къ тому крестьянину у котораго родился мальчикъ, а крестьянинъ и радъ купцу, сталъ просить его въ отцы крестныя, купецъ согласился

да послѣ крестинъ и говоритъ крестьянину: куда тебѣ бѣдному самому воспитывать ребенка, отдай его мнѣ, я богатъ, онъ у меня будетъ хорошо жить. Подумалъ, подумалъ крестьянинъ съ своею женою да и отдалъ ребенка купцу. Вотъ купецъ взялъ ребенка да и поѣхалъ домой, это дѣло было зимою, проѣзжаетъ купецъ мимо лѣса, взялъ онъ ребеночка да и бросилъ въ лѣсу, въ снѣгъ, а самъ и поѣхалъ домой думая, что сгубилъ ребенка а пришлось не такъ, прикащикъ этого купца ѣхалъ съзади этою же дорогою и видитъ при солнышкѣ лежитъ ребенокъ въ снѣгу, прикащикъ взялъ ребеночка и привезъ домой къ своей женѣ, отъ которой дѣтей у него еще не было, привезъ онъ домой ребенка да и оставилъ жить у себя. Такъ этотъ ребенокъ — мальчикъ и остался жить, и прожилъ онъ лѣтъ пять. Только въ одно время и вздумалось купцу хозяину побывать въ домѣ своего прикащика, приходитъ онъ къ нему да и увидалъ у его мальчика и спрашиваетъ? Откуда, говоритъ, у тебя этотъ мальчикъ взялся? Прикащикъ тотчасъ разсказалъ откуда онъ и когда нашелъ этого мальчика. Купецъ и догадался, что это мальчикъ тотъ самый; вотъ онъ и говоритъ прикащику, отдай пожалуйста мнѣ этого мальчика, я его буду самъ воспи-

тывать. Прикащикъ подумалъ, подумалъ да и отдалъ купцу мальчика. Вотъ, тотъ взялъ ребенка съ собою, потомъ закупорилъ его въ бочку и пустилъ наводу, чтобы онъ пропалъ безъ вѣсти. Бочка эта плавала, плавала по морю и пристала къ одному женскому монастырю. Въ это время нѣсколько монашенокъ пришли на плотъ брать воду, увидали бочку и стали ее отталкивать отъ плота но она все пристаётъ, тогда они пошли къ игумени, та приказала, бывшимъ рабочимъ при монастырѣ, взять бочку и сколотить съ ее обручи. Тотчасъ тѣ достали бочку и когда стали снимать обручи, то младенецъ закричалъ, тогда настоятельница велѣла снимать обручи тише и когда ихъ сняли то всѣ удивились видя младенца. Настоятельница взяла этаго мальчика себѣ и отдала его воспитывать женѣ сторожа. Прошло нѣсколько лѣтъ, мальчикъ сталъ уже большой, лѣтъ такъ семнадцать или болѣе. Въ одно время, ѣздивъ по ярмаркамъ тотъ самой купецъ, пріѣхалъ въ этотъ монастырь и увидалъ въ немъ этаго мальчика. Купецъ узналъ его, пришелъ къ настоятельница и сталъ просить у нее этаго мальчика, вамъ, говоритъ онъ, въ монастырѣ не прилично держать такого ужъ большаго мальчика, отдайте его мнѣ, я его на своемъ заводѣ сдѣлаю

принащникомъ. Настоятельница согласилась: Вотъ купецъ и велѣлъ своему мужику ѣхать съ этимъ мальчикомъ домой и отдать женѣ письмо, въ которомъ написалъ, чтобы жена, какъ пріѣдетъ этотъ мальчикъ, приказали работникамъ его убить, а самъ, купецъ поѣхалъ на другія ярмарки. Вотъ ѣдетъ мальчикъ съ мужикомъ дорогою и попадаютъ имъ три старичка, старички стали ихъ спрашивать куда они ѣдутъ, и откудава а какъ тѣ рассказали, тогда старички и пристали къ мужику: покажи письмо да покажи, вотъ мужикъ имъ и поназаль, повѣртели они письмо въ рукахъ отдали его назадъ да и попрощались. Пріѣхалъ мужикъ съ мальчикомъ въ домъ хозяина. Отдалъ мужикъ письмо хозяйкѣ, та прочитала велѣла ему на заводъ идти а молодому человѣку и говорить, мужъ мой въ письмѣ пишетъ, что-бы не дожидать его отъ ро съ ярмарки, а тебя женить на нашей дочери и отдать въ твое распоряженіе заводъ. Черезъ нѣсколько времени его женили, и онъ сталъ смотрѣть за заводомъ. Въ одно время пріѣхалъ хозяинъ сталъ спрашивать жену, исполнила ли она его волю, что онъ въ письмѣ писалъ, та ему, все и рассказала. Купецъ на это чнеказалъ нислова а подумалъ самъ просебя, дѣлать нечего, ошибивъ не поправишь а я все таки сдѣлаю по своему; вотъ

пріѣхалъ онъ на заводъ и говоритъ мужикамъ рабочимъ, когда придетъ мой зять, то возьмите его и бросьте въ бочку съ горячей смолою, давъ такое приказаніе, онъ уѣхалъ домой и говоритъ своему зятю, поѣзжай ты сегодня на заводъ да посмотри тамъ какъ дѣла идутъ, зять отвѣчалъ: слушаю батюшка и хотѣлъ было одѣваться, но жена его позвала его въ другія покои и говоритъ ему, у меня сердце болитъ, не быть бы бѣдѣ, не ѣзди на заводъ, останься дома а я скажу про тебя отцу, что ты ужъ уѣхалъ. Мужъ согласился а она пошла къ отцу и сказала про его, что онъ ужъ отправился на заводъ. Прошло часа четыре послѣ, того времени. Купца такъ и подмываетъ, пойду на заводъ да пойду посмотрю сварился ли зять, вотъ онъ одѣлся да и поѣхалъ, пріѣзжаетъ онъ на заводъ видитъ смола кипитъ а рабочіе все спятъ. Ну, думаетъ купецъ, избавился я отъ своего зятя вѣрно они его сварили да и спать по легли, дайко и я усну покуда они не пробудятся, вотъ онъ легъ на лавку да и заснулъ, только одинъ работникъ проснулся, видитъ что спитъ человекъ, въ темнотѣ то онъ не узналъ хозяина, думалъ, что зять хозяйскій, тотчасъ тихонько разбудилъ своихъ товарищей, подошли они тихонько къ купцу, который спалъ, крѣпко схватили его да и бросили

въ котелъ съ смолою, въ которомъ онъ и сварился а зять получилъ по словамъ старичковъ его счастье.

Что Богъ назначить то и будетъ.

Въ одной деревнѣ жилъ мужъ съ женою и родился у нихъ сынъ, мужикъ жилъ бѣдно, не зналъ какъ и ребенка окрестить, не копѣйки денегъ нѣту да и кума взять негдѣ, къ бѣдному никто нейдетъ, никто не хочетъ окрестить ребенка. Только вдругъ ночью и постучался къ мужику прохожій солдатъ, въ отпускъ шелъ, мужикъ и радъ дорогому гостю, принялъ его и сталъ въ кумовья просить, солдатъ согласился, вотъ поужинали всѣ да и залегли спать до утра, только и слышитъ солдатъ ночью, что кто то разговариваетъ, поднялъ онъ голову и видитъ ангела и бѣса, стоятъ они да спорятъ, этотъ ребенокъ, говоритъ ангелъ, потонетъ, а бѣсъ и говоритъ, нѣтъ не потонетъ, а удувится или зарѣжется, а ангелъ опять говоритъ потонетъ, по спорили, по спорили да и ушли. Утромъ проснулся солдатъ да и рассказалъ крестьянину, что слышалъ, что Богъ дастъ то и будетъ, говоритъ крестьянинъ. Вотъ окрестили ребенка, солдатъ востился съ крестьяниномъ и пошелъ.

дальше. У крестьянина былъ надворѣ колодезь, взялъ онъ его для безопасности и заколотилъ, Мальчикъ подросъ, сталъ играть, ходить и все игралъ на этомъ колодцѣ, въ одно время доска на колодцѣ обломилась и мальчикъ упалъ въ колодезь.

Кумова постеля.

Давно, когда еще и моей прабабушки на свѣтъ небыло, въ мѣстахъ невѣдомыхъ гдѣ-то, по срединѣ густаго лѣса стояла избушка дровосѣка, дровосѣкъ жилъ съ женою а дѣтей у нихъ небыло, да небольно хотѣлось имъ ихъ имѣть-то, однимъ жить спокойнѣе но случилось не такъ какъ имъ хотѣлось и думалось; жена сдѣлалась беременною а мужъ, бродя полѣсу, наткнулся въ располхъ на огромнаго медвѣдя а вѣдь эти чертовы дѣти медвѣди не долго разсуждаютъ, косолапый облапилъ дровосѣка; подмалъ его подъ себя и пикнуть ему не далъ, съ разу ему жизнь прикончилъ. Жена не знаетъ, что надъ ее мужинькомъ стряслась такая бѣдовая оказія, сидитъ да поджидаетъ муженька а сердечко такъ въ груди и занываетъ, такъ и поговариваетъ, такъ и шепчетъ ей на ухо, плачь скорѣе, плачь безталанная, горѣмычная мнѣ легче будетъ. Долго ждала жена мужа, думала раздумывала о немъ разныя разности, что онъ не въ городѣ-

ли ушелъ да тамъ напился у свата Өаддея а за нимъ такой грѣшокъ водился частенько, онъ бывалъ пьяненокъ и напорядкахъ. Такъ-то вотъ думая, жена прождала мужа цѣлую ночь и утро прошло, и полдень насталъ а его нѣту, соскучась сидѣть въ избѣ, жена вышла въ лѣсъ, прошла немного полѣсу да какъ вдругъ ахнетъ, крикнетъ отъ страху, видитъ человѣка убитаго, валяется онъ подъ деревомъ и лица то на немъ не видно, такъ сердечный изуродованъ только по одежѣ догадалась она что это былъ ея мужъ. Повыла, повыла она надъ убитымъ, да не вѣчно-же выть такъ и она сдѣлала, выть перестала, вырыла для его могилу, да и похоронила, но и послѣ похоронъ она всетаки еще не совсемъ оставила плакать, проплакала еще нѣсколько времени а время все подвигалось впередъ, наконецъ до того подвинулось что вдовѣ мочушки не стало, пришла пора родить, но и тутъ бѣда и тутъ напасть не можетъ опростаться, да и только три дни крикомъ прокричала а кто услышитъ ее крикъ въ такомъ дремучемъ лѣсу въ немъ людей-то почитай никогда не бываетъ и не проходятъ по лѣсу, а звѣри хотъ и шляютъ да имъ-то какое дѣло до чужаго крику, они и сами ревутъ нехуже если не лучше не громче. Такъ она бѣдная маялась, маялась а

все лучше нѣтъ, вотъ и четвертый день ужъ на исходѣ, бабки нѣтъ а къ ней небѣжать же—стать самой, когда она съ постели встать не можетъ, болѣзнь ее притиснула шибко, да потомъ какъ вдругъ прихватить еще сильнее, еще шибче, такъ у ней и глаза подъ лобъ подкатились. Невзвидѣла она земли и неба, оно ей въ овчинку показалось, не вытерпѣла она и вскричала, хотъ-бы чортъ пришелъ помочь мнѣ, извѣстно дѣло, она вскричала это съ дуру, да и то сказать человѣкъ до того грѣшенъ, что онъ всегда луканьку—то у себя на языкѣ держать. А онъ окаанный какъ его кликнуть куда услужливъ, тотчасъ явится, вотъ онъ и тутъ появился проклятый, быстрѣе мысли, да какъ еще принарядился окаюга скверная, что не только, узнать такъ, и подумать невозможно, что это сила окаанная такъ разрядился, пришелъ онъ къ вдовѣ въ образѣ женщины, бабки, да не простой а стомядной, въ чепчикѣ, съ разными разностями, разряженъ такъ, что куда тебѣ, и какъ только вступилъ на порогъ, такъ больной и легче стало, она тутъ скоро и родила, тогда окаанный подошелъ къ ней, и говорить: послушай хотъ услуга моя малая но я всетаки даромъ никому ничего не дѣлаю и потому, что мала моя услуга, то оставляю у тебя твоего ребенка до двадцати лѣтняго возраста по-

томъ я приду за нимъ потому, что онъ мой. Такъ вотъ эти слова проговорилъ духъ лукавый, да и пропалъ, а куда ужъ онъ пропалъ въ минуточку, этого не извѣстно, можетъ и въ печь вошелъ дышомъ, да въ трубу и улизнулъ, вѣдь для бѣса это пустячки, онъ и не такія еще фокусничества выкидываетъ. Вотъ живетъ вдова, поживаетъ безъ мужа не горько, не сладко, а такъ себѣ, середка на половинѣ, а время катится, быстро летятъ дни, а въ слѣдъ за днями, недѣли, мѣсяцы и годы бѣжатъ скорехонько. Скорехонько прошло такъ лѣтъ и много, выросъ ребеночекъ вдовы; да я и запомнилъ, ребеночекъ то какой былъ и не сказалъ, вѣдь можетъ быть и дѣвочкой и мальчикомъ, такъ вотъ я теперь и говорю вамъ, онъ былъ мальчишечка и отъ времени сдѣлался порядочнымъ мальчуганомъ; лѣтъ ему набѣжало съ семнадцать, а какой былъ онъ прилежный учиться разнымъ разностямъ, всѣму его мать учила и грамотѣ, потому что немного сама марковала, и богу молиться научила, и всякимъ домашнимъ приличествамъ, и покорности къ родительницѣ, и работѣ въ лѣсу, чѣмъ можно бы было и себя и мать кормить, а онъ все это понималъ хорошо, все исполнялъ точно; то есть такого сына почтительнаго, да хорошаго пожела-бы всякой крещенной имѣть у себя и благодарилъ-бы Бога, что

онъ далъ ему такую милость. Вдова радовалась и благодарила Бога, глядитъ она на своего сына милаго, любитъся, радуется не на радуется, а какъ придетъ ей на память, что чрезъ три годочка должна она будетъ съ нимъ проститься, отпустить его, отпустить-бы это ничего, да вѣдь отпустить-то куды, въ когти лукаваго. Какъ это ей придетъ на умъ, такъ она и всплеснетъ руками и зальется, завопитъ, заголоситъ, начнетъ причитать; а слезы какъ ручей изъ глазъ такъ и польются. Частенько это случалось, частенько замѣчалъ и сынъ, что мать невѣсть съ чего плачетъ, невѣсть съ чего вдругъ заголоситъ, завопитъ, упадетъ на столъ да такъ и лежитъ какъ мертвая, а иную пору и наполь упадетъ, голову ушибетъ и лежитъ какъ мертвая, сыну ужъ водой разъ десять приходилось ее отпавивать.

Въ одинъ вечеръ, сынъ сидѣлъ съ матерью за ужиномъ, похлѣбалъ онъ немножко щецъ да вѣрно не хотѣлъ болѣе, что ложку на столъ положилъ, не ѣстъ, подперъ голову руками да и поглядываетъ на мать.

— Что-же дитяtko мое милое не похлѣбаешь еще щей-то?

— Да не хочется матушка!

— Похлѣбай родимый мой, голубчикъ, ска-

зала мать; тутъ ей и пала на память та бѣда, что она не долго будетъ смотрѣть на своего сыночка, любоваться имъ: уйдетъ онъ и ее уже горемычную и матушкой называть будетъ некому, подумала она это, да и заплакала горько, горько.

— Что ты матушка все плачешь, какая у тебя бѣда есть и за чѣмъ ты мнѣ ее сказать не хочешь?

— Хочется мое дитятко милое, хочется сказать тебѣ, да языкъ не ворочается, къ горлу прилипаетъ, не выговоришь, страшно, и она еще больше залилась слезами.

— Что родимущка, страшно?... говори не бойсь.

— Долго плакала да вопила мать, да вздыхала, наконецъ и раскрыла сыну такую бѣду свою, страшное свое горѣ: какъ она бѣса призывала, что онъ сказалъ и потомъ, всхлипывая, проговорила: — Ненаглядный ты мой, не будетъ скоро у меня тебѣ яснаго сокола, не увижу я тебя больше, и опять завывала.

Сынъ задумался, опустилъ голову, потомъ поднялъ ее, вытеръ рукавомъ слезы и сказалъ: «Матушка перестань плакать, слушай лучше меня, пойду я отъ тебя сейчасъ куда очи глядятъ, чтобы тебѣ не терзаться какъ увидишь когда бѣсъ придетъ за мною и возметъ меня; лучше, меня у тебя

на глазахъ не будетъ, думай, я померъ, или гдѣ въ монастырѣ нахожусь, и пойду въ монастырь, а туда сила лукавая пройти не посмѣетъ, благослови меня родимая въ путь дорогу. Мать послушалась сына и, видя, что онъ говоритъ дѣло, что въ монастырь сила лукавая пройти не посмѣетъ горько заплакала, благословила сына, дала ему на дорогу кой чего поѣсть и вышла провожать его. Тутъ ее сердечушко не вытерпѣло, она схватила сына, прижала къ себѣ и заплакала, разлилась какъ рѣка, насилу сынъ ужъ могъ оторваться отъ ее и пошелъ по тропинкѣ, а мать завопила и упала у избы на землю. Сынъ не оглаживался.

Эхъ жаль, что я не знаю какъ звали его, а то лучше-бы было рассказывать, ну да ужъ дѣлать нечего.

Вотъ идетъ онъ тропинкою лѣсною, да и думаетъ о своей горькой участи. Вдругъ, поднялся дождь, (а сперва хороша была погода), да какой дождь, — какъ изъ ведра полилъ, пріютиться негдѣ нашему пѣшеходу, да онъ и не очень думаетъ о дождѣ, идетъ да идетъ, только вдугъ и видитъ огонекъ, онъ къ огоньку и направился, а дождь порубилъ еще сильнѣе, загремѣлъ громъ, молнія залетала, такъ вотъ и шныряетъ какъ будто сжечь хочетъ. Вотъ, идетъ нашъ путникъ къ огоньку,

не за тѣмъ, что грома да молоньи испугался, а такъ лучше извѣстно дѣло, ночевать въ теплой избѣ, чѣмъ въ дремучемъ лѣсу, да еще когда дождь какъ изъ ведра льетъ, наконецъ подходитъ онъ къ огоньку, огонекъ свѣтилъ изъ окна, а окно было въ большомъ деревянномъ домѣ, да не одно, а много оконъ, только огонекъ—то свѣтилъ въ одномъ окнѣ. Домъ этотъ стоялъ по срединѣ дремучаго лѣса, въ самомъ страшномъ мѣстѣ, куда по своей волюшкѣ ни одинъ человѣкъ не поидетъ, а забредетъ кто нибудь нечаянно, какъ и нашъ путникъ. Вотъ подошелъ онъ къ воротамъ, попробовалъ: заперты, стукнулся въ калитку, тоже заперта, да должно быть и крѣпко, потому что онъ стукнулъ кулакомъ не тихо, подождалъ онъ немного, никого Господь не подаетъ. Вотъ онъ еще постучалъ, тоже никто не идетъ, только страшно залаяла собака, а потомъ и завывла. «На свою бы, а не на мою голову, выла бы ты окаанная, проговорилъ нашъ прохожій.» Только вдругъ слышитъ онъ, что кто-то идетъ по двору и кажись, что не мужикъ, а баба, потому что кричитъ, унимаетъ собаку, голосъ не мужичій, а бабій, наконецъ послышалось за калиткою; нашему прохожему: «Кто тутъ?»

— Кормилица, проговорилъ нашъ прохожій,

укрой на темную ночь меня несчастного, я заблудился,пусти ради Бога.

— Эхъ родной, жаль мнѣ тебя, да и впустить то боюсь право, не знаю что мнѣ съ тобою дѣлать.

— Впусти, будь мать родная, заставь вѣчно Бога за тебя молить.

— Жаль мнѣ тебя, неча дѣлать, ступай. Вотъ, когда калитка отперлась, нащъ прохожій вошелъ, на дворъ и поклонился женщинѣ, она стояла у калитки, но заперла калитку и пошла въ сѣни, сказавъ ему: «Ступай родной за мною». Когда нашъ путникъ вошелъ въ покой, помолился иконамъ и сѣлъ на лавку, то женщина стала его разспрашивать, кто онъ такой, откуда, и куда путь держить? Не сталъ онъ скрываться и рассказалъ женщинѣ что ему судьбой назначено и куда онъ идетъ, та его выслушала, да и головой покачала.—Охъ ты родимой мой, горемычный, безталанный дитятко, худому съ тобой случится должно и никто тебѣ помочь не возмется, кромѣ моего мужа, онъ страшный разбойникъ и по грѣхамъ своимъ сдѣлался другомъ и пріелемъ самому старшему бѣсу, такимъ пріелемъ, что тотъ его, своимъ кумомъ назвалъ, вотъ если-бы мужа попросить, да взялся-бы онъ, такъ онъ, что нибудь-бы да могъ сдѣ-

латъ, а какъ попросишь его?.. онъ эти дни все такой сердитый и сего дня вотъ, поѣхалъ на разбой и не простился, ну да ладно; на, вотъ поѣшь ты, да запрячься въ ту каморку, и когда придетъ мужъ тогда увидимъ, какъ дѣлаться нужно будетъ. Тутъ она дала поѣсть горемычному а потомъ и велѣла ему въ каморку запрятаться. Только запрятался онъ, а въ ворота кто-то и застучалъ, баба тотчасъ побѣжала отворять, отворила калитку, на дворъ и вошелъ ея мужъ, такой сердитый и слова съ женой не молвилъ. Вошелъ въ избу, не снявъ шапки, сѣлъ за столъ и закричалъ во всю глотку: — Жена, ѣсть давай! Та, тотчасъ накрыла столъ, все поставила и отошла къ печькѣ. Вотъ мужъ выпилъ вина цѣлый ковшикъ, а жена тотчасъ ему и опять налила, онъ и другой выпилъ, разобрало его отъ двухъ ковшей, развеселился онъ да и спрашиваетъ жену: «Что ты такая сего дня добрая, сама меня виномъ потчуетъ?.. а другой разъ ругаешься, зачемъ я пью. — Да такъ потчую, пей на здоровье. «Нѣтъ братъ, меня ты не обманешь, не даромъ ты потчуетъ, что нибудь у меня просить хочешь, пришелъ я домой сего дня сердитъ, потому что удачи нѣтъ, а теперь ты меня развеселила, значить проси чего хочешь, все тебѣ сдѣлаю. — Да сдѣлаешь-ли полно? «Говорятъ что сдѣ-

лаю.—Хорошо кабы сдѣлалъ доброе дѣло, ты вѣдь больно грѣшенъ, а коли сдѣлаешь это добро, тогда тебѣ Богъ грѣховъ простить. «А какое это дѣло? говори скорѣй, я ужъ сдѣлаю. Тутъ баба и рассказала про горемычнаго прохожаго да и сказала еще:—Сдѣлай, тебѣ Богъ грѣховъ простить. «Сдѣлаю жена, сдѣлаю, гдѣ онъ, зови горемычнаго. Баба позвала прохожаго, тотъ вышелъ изъ коморки и поклонился хозяину.—Ну, молодецъ, сказалъ ему разбойникъ, я пойду съ тобой, только куда мы пойдемъ, и коли что увидимъ страшное, жуткое, небойся ничего. Тутъ онъ одѣлся и вышелъ изъ избы и горемычный пошелъ за нимъ, вотъ приходятъ они къ морю, къ широкому морю, море такъ и бушуетъ, тутъ у моря разбойникъ завязалъ горемычному глаза, взялъ его за руку и повелъ, а куда повелъ, неизвѣстно, только тогда догадался нашъ горемычный, что они въ море опустили когда вода у его надъ головой зашумѣла. Вотъ, они опустили на дно морское и пошли по дну. Шли, шли, наконецъ стали опускаться въ яму, вотъ опустили они на дно ямы и стали; тогда горемычному развязалъ глаза разбойникъ и шепнулъ ему на ухо: «Небойся». Тутъ-то горемычный насмотрѣлся дорогою на разные страсти и ужасы. Встрѣчались имъ на дорогѣ черти, разные, разные

и все страшные, и объ одномъ рогѣ, и о двухъ, и о трехъ, и больше. Глаза у всѣхъ ихъ какъ уголья красныя, кости по аршину, морды свиначія, и собачія, и птичія головы и всякія, только нѣту ослиныхъ головъ. Прошли они всю эту дрянъ и подошли къ воротамъ, тутъ еще хуже, еще страшнѣе и ужаснѣе, такъ, что горемычнаго по кожѣ какъ морозомъ обдало, видитъ онъ, ворота огнемъ такъ и пышутъ и множество чертенятъ все роста маленькаго, какъ на отборъ,—пляшутъ у воротъ, бѣснуются, на разные манеры, змѣи ползаютъ по землѣ, выпускаютъ жалы, шипятъ, а чертенята наберутъ ихъ въ руку съ десятокъ, да и кидаютъ ими въ разбойника и горемычнаго, только змѣи по счастью все мимо пролетаютъ, не попадаютъ въ разбойника и горемычнаго. Долго смотрѣлъ разбойникъ на чертовскіе проказы, наконецъ осердился, схватилъ пару чертенятъ и давай ихъ пинками колотить, поколотилъ а потомъ и шмякнулъ о землю, а самъ и вошелъ въ ворота. На дворѣ была земля изъ человѣческихъ костей, домъ былъ сдѣланъ тоже изъ костей, а крыльцо изъ чертовыхъ роговъ. Вотъ вошли они на крыльцо, тутъ лѣстница,—только не въ верхъ, а въ низъ, въ яму. Въ ямѣ сидитъ чортъ страшнеющій пре-страшнеющій, а вокругъ его чертей тьма тьмущ

щая. Вотъ къ этому чорту, подошелъ разбойникъ взялъ его за руку, а чортъ разбойника пріятелемъ называетъ и бочку съ виномъ ему пододвинулъ, что бы ему сѣсть, вотъ разбойникъ усѣлся и говоритъ чорту, про нашего горемыку, такъ и такъ; а потомъ и говоритъ еще: — Удружи мнѣ по пріятельски, отдай его записъ. «Изволь, говоритъ чортъ, пожалуй удружу, потомъ и вскрикнулъ чертямъ: —Эй, вы! у кого изъ васъ такая то записъ? Всѣ черти молчатъ, потомъ одинъ чертенокъ и говоритъ: —Эта записъ у хромоногаго Сальцы. «Ну позвать хромоногаго Сальцу.» Тотчасъ чертенокъ одинъ и ушелъ, и привелъ потомъ за собой другаго, этотъ дьяволъ былъ рыжій, одноглазый, одноногій и одинъ рогъ у его больше бычачьяго. Вотъ ему и говоритъ чортъ, пріятель разбойника: «Эй ты, хромой Салець, отдай записъ такую-то и такую!—Нѣтъ не отдамъ ни за что, не даромъ же я доставалъ ее. —Отдай, я тебѣ велю. «Не отдамъ. — А! такъ ты еще огрызаться сталъ?.. принять Сальцу храмаго въ каленыя прутья! Тотчасъ цѣлая куча чертей схватили хромоногаго, повалили его на землю и давай драть калеными прутьями. Хромой Сальца оралъ оралъ, просилъ пощады, а записи все не отдаетъ. Наконецъ его драть бросили. — Отдашь ли теперь записъ, хромой

Сальца? спросилъ чертъ. «Нѣтъ не отдамъ, ни за что не отдамъ.

— Не отдашь, вотъ я посмотрю; эй возьмите его въ крючки, черти опять налетѣли на хромого Сальцу, повѣсили его за хвостъ къ потолку, принесли каменныхъ крючьевъ и давай ими его тянуть всякой въ свою сторону, хромой давай опять просить пощады. — Отдашь записъ? спросилъ чортъ. «Нѣтъ, не отдамъ. — Не отдашь?.. такъ я съ тобою раздѣлаюсь; снимите его и положите тотчасъ на кумову постель. Хромой Сальца какъ услыхалъ это слово, завылъ какъ собака, затрясся и повалился чорту въ ноги, и еще больше завылъ. — Все отдамъ только не клади на постель, вотъ и записъ, тутъ, хромой Сальца и отдалъ чорту записку, а тотъ разбойнику. — На вотъ пріятель, возьми. Разбойникъ взялъ записъ, попрощался съ чортомъ и пошелъ съ горемыкою. Въ этотъ разъ они прошли дорогу безъ всякихъ казусовъ, прошли опять на дно моря, тутъ опять горемыкъ разбойникъ завязалъ глаза, а когда прошли по дну морскому и вышли на берегъ, тогда разбойникъ отдавая записъ горемычному, спросилъ его: «Куда ты пойдешь теперь? Пойду въ монастырь въ монахи, а ты куда пойдешь теперь? — Пойду къ женѣ, и буду тѣмъ-же заниматься, чѣмъ занимался. — Худо сдѣлаешь, ты слыхалъ-ли что сказалъ и

куда велѣлъ сатана положить хромого Сальцу? «Нѣтъ не слыхалъ! — Онъ велѣлъ положить его на кумову постель, а онъ тебя своимъ кумомъ называетъ, значить это твоя постель, и очень страшна надо быть, что хромой Сальца затрясся и отдалъ записъ, когда его велѣли положить на эту постель. Разбойникъ задумался, упалъ со слезами на землю и сталъ говорить своему путнику: «Научи меня, что мнѣ дѣлать, что бы не быть на этой постелѣ?—Пойдемъ со мною въ монастырь, тамъ молиться станемъ.—Нѣтъ, не пойду я въ монастырь, ступай ужъ ты, а вонъ ты видишь стоитъ изсохшая яблоня, пойду я къ ней, и буду плакать, и молиться до тѣхъ поръ, покуда яблоня не разцвѣтетъ, а ты ступай въ монастырь и помолись обо мнѣ. Тутъ, они разстались, одинъ пошелъ въ монастырь, а другой остался у изсохшей яблони.

Прошло много лѣтъ, нашъ горемычный жилъ въ монастырѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался игуменомъ, потому, что велъ примѣрную жизнь.

Въ одно время ему видится сонъ, что стоитъ цвѣтущая яблоня, а подъ ней лежитъ тотъ разбойникъ и манитъ его къ себѣ рукой. Проснувшись игумень, взялъ съ собою двухъ монаховъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ была яблоня, прежде изсохшая. Придя къ яблонѣ, онъ увидѣлъ, что

она уже не стоит засохшей, а полна плодами, и на одномъ сучькѣ сидитъ райская птичка и поетъ райскія пѣсни, подъ яблоней, уже почти мертвый лежитъ прежній знакомый игумена; но увидя его онъ приподнялъ голову и чуть чуть могъ сказать: «Радъ я, что увидалъ тебя, на душѣ мнѣ теперь гораздо легче, поскорѣй торопись, исповѣдуй меня и если я достоинъ, — причасти, тогда я помру спокойно. Игуменъ тотчасъ все сдѣлалъ, что просилъ его бывшій разбойникъ. Тотъ тотчасъ же и умеръ. Птичка которая сидѣла на сучькѣ, запѣла еще лучше и улетѣла, тогда игуменъ съ монахами вырылъ могилу, похоронилъ въ нее умершаго и всѣ отправились въ монастырь.

Хромоногій Скрипачъ.

Знаете-ли вы хромоногаго Гришку, удалца-скрипача, молодца на всѣ руки? Не знаете, жаль—значитъ вы не знаете, какъ и отъ чего онъ и хромъ сдѣлался, не ужели и этого не знаете?... а кажется про это всѣ наши ребята знаютъ да чуть ли и не цѣлый свѣтъ. Ну такъ я расскажу вамъ, вы только слушайте, да не поперечьте.

Гришка хромоногій не былъ хромоногимъ, какъ о томъ молва говорить: былъ онъ очень бѣденъ, такъ бѣденъ, что и сказать нельзя, а любилъ чортовъ сынъ музыку, то есть такъ любилъ, какъ мать родную: гармонійка-ли гдѣ заиграетъ или скрипка запищитъ, нашъ Гришка просто ненашинскимъ дѣлается, а какимъ то чертовскимъ чело-вѣкомъ, бѣснуется, подсвистываетъ, пляшетъ точно чортъ его каленымъ гвоздемъ въ бокъ тычетъ. Въ то время, когда пляшетъ онъ, не попадайся ни-чего подъ ногу: кадушка-ли какая, скамейка-ли попадетъ подъ его ножищу, такъ ту вещь и пе-

минай какъ звали; расколотить, разобьетъ и обломки за окно побросаетъ. А спалъ и видѣлъ Гришка выучиться играть на скрипкѣ. Цѣлое лѣто проработалъ онъ у Химки лысаго скрипача даромъ, просто даромъ, ну посудите-же сами люди добрые, за скрипку лѣто проработать не есть-ли это даромъ? Вотъ скрипка въ рукахъ у Гришки; пилить онъ на ней, окаанный, день и ночь, просто такія колѣна выдѣлываетъ, что волосъ дыбомъ становится; но какъ не игралъ Гришка, а все нѣтъ толку—не можетъ выучиться играть да и баста,—хоть топись отъ досады. Вотъ Гришка и пошелъ къ рѣкѣ,—только вы добрые люди не подумайте, что топиться, — нѣтъ; онъ пошелъ на бережекъ рѣки, сѣлъ, да и заплакалъ, смотря на свою скрипку, которую держалъ въ рукахъ, плакалъ, плакалъ онъ отъ досады, что не могъ играть выучиться, да потомъ какъ хватить скрипку о камень; только и видѣлъ ее: вся въ мелкіе кусочки разлетѣлась, даже и на память не осталось ни кусочка; махнулъ Гришка рукою, плюнулъ, да кажись обругался два раза, да и хотѣлъ идти домой. Вдругъ пырь ему въ глаза старикъ,—просто старичишка такой мозглякъ, что глядя на него такъ плюнуть и хочется, идетъ, въ правой рукѣ скрипку держитъ, а въ лѣвой смычекъ, идетъ да подплясываетъ;

подошелъ онъ къ Гришкѣ, да и говоритъ ему: Что ты, Гришка, скучаешь?—Да научиться не могъ играть на скрипкѣ, отвѣчалъ Гришка.—Да у тебя, говоритъ старикъ: скрипка-то не такого сложенія была, вотъ моя другое дѣло, и старикъ заигралъ, да такъ заигралъ, что Гришка разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и поблѣднѣлъ, и покраснѣлъ въ одно время, и не зналъ, что дѣлать отъ радости. Кончилъ старикъ игру, а Гришка все еще слушаетъ; у него въ ушахъ все еще раздается чудная игра скрипки—волшебницы; наконецъ Гришка опомнился.—Дѣдушка! вскричалъ онъ, отецъ родной, продай скрипку, что хощь возми, пять лѣтъ стану работать тебѣ за твою скрипку, только продай!—Слушай Гришка, сказалъ старикъ; скрипка будетъ твоя и ты на ней выучишься сразу играть, только я отдамъ тебѣ тогда скрипку, когда ты ударишь меня колѣнкой въ задъ одинъ разъ.—Хоть десять, сколько велишь, отецъ родной, говоритъ Гришка. Старикъ сталъ на четвереньки, а Гришка, чтобы угодить дѣду, разбѣжался, да какъ хватить его въ задъ колѣнкою, такъ, что самъ Гришка не взвидѣлъ ни земли, ни неба и повалился на землю. Старика не было, какъ ни когда не бывало; только по лѣсу слышенъ былъ хохотъ и грохотъ, а на мѣстѣ старика стоялъ

обгорѣлый пенъ, около котораго лежалъ Гришка съ раздробленною ногою и у него въ рукахъ была чудовищная скрипка.

Портной и лѣшій.

Въ одномъ городѣ жилъ портной мастеръ, работы у его было много; все начальство того города отдавало ему работу, не глядя на то, что онъ былъ пьяница, а глядѣли на то, что былъ онъ человекъ работающій, да къ тому же въ этомъ городѣ кромѣ его портныхъ мастеровъ не водилось. Въ одно время за этимъ портнымъ мастеромъ, прислалъ городничій, (для его была работа). Вотъ, портной отправился къ городничему, да сперва еще зашелъ въ кабакъ, выпилъ порядочную красавицу, да и сталъ продолжать путь, дѣло было ужъ къ вечеру, вдругъ на встрѣчу портному попадаетъ городничій, должно быть, подумалъ портной, городничій нашъ прогуливается, подумалъ онъ это, подошелъ къ городничему да и кланяется; городничій зналъ его, и говоритъ:—Здорово, пойдемъ ко мнѣ, я въ тебѣ нужду имѣю. Вотъ и пошли, приходятъ въ домъ городничаго.—Ну, говоритъ городничій портному, вотъ тебѣ сукно, крой мнѣ шинель, ты мою мѣрку знаешь, а самъ и пошелъ въ другую комнату. Пор-

тной, оставшись одинъ, сталъ кроить, скроилъ шинель да себѣ жилетку выкроилъ, да прибрать то ее не успѣлъ какъ вошелъ городничій. Увидаль онъ жилетку да и говоритъ усмѣхнувшись: — Не забылъ ты брать себя, выкроилъ на жилеточку, ну да я не сержусь, на вотъ, выпей-ко водочки. Портной поклонился, взялъ рюмку, перекрестился да и хотѣлъ пить, анъ глядь вмѣсто городничаго дома, стоитъ онъ посреди дремучаго лѣса, передъ нимъ стоитъ пень вмѣсто городничаго, а въ рукахъ вмѣсто рюмки держитъ онъ еловую шишку и холодъ сильно пронялъ портнаго. Осмотрѣлся онъ и не видитъ на себѣ сюртука, а что то держитъ подъ мышкою, развернулъ, смотреть, а это его сюртукъ и разрѣзанъ онъ въ куски, только и цѣлаго, что жилетка выкроена. Портной перекрестился и пошелъ по лѣсу наудачу, пришелъ наконецъ домой и оказалось, что онъ семь верстъ былъ отъ дому, за городомъ въ помѣщичьемъ лѣсу, а завелъ его туда лѣшій лѣсовикъ.

Несъ да не донесъ.

Шелъ мужикъ, изъ своего села въ другое и пришлось ему идти лѣсомъ, дѣло было къ ночи, вотъ идетъ онъ да распѣваетъ, въ головкѣ напорядкахъ было закручено, идетъ мужикъ да и видитъ: бѣжитъ хромоногій козленокъ да кричитъ, подошелъ къ нему мужикъ и думаетъ: вѣрно этотъ козленокъ какъ нибудь запутался, дайко возьму его съ собою, взялъ козленка, взвалилъ на плечи и потащилъ, легокъ былъ козленокъ, но чѣмъ дальше тащилъ его мужикъ, тѣмъ онъ дѣлался тяжелѣе, такъ что тащить его силъ не стало; съ мужика потъ градомъ катитъ, что за причта такая? думаетъ онъ, козелъ-то больно тяжелъ сталъ, дай-ко его брошу, сталъ сбрасывать, а козелъ не сходитъ. Мужикъ оробѣлъ да и перекрестился, въ ту-жъ минуту козелъ соскочилъ съ плечъ, да и бросился въ лѣсъ, по которому пошелъ ужасный свистъ. И слышался крикъ ему: «Ты несъ да недонесъ.»—Это былъ не козелъ должно быть, а лѣшій, проговорилъ мужикъ крестясь, да и пустился бѣжать назадъ.

Старичекъ предсказатель.

Въ одномъ селеніи, жили мужъ съ женою, были они люди зажиточные, дѣтей у нихъ не было ни единого, они объ этомъ тосковали долгое время, только въ одну темную ночь, постучался кто-то въ ихъ двери.—Пустите, говорятъ, ночевать странника. Вотъ мужъ всталъ и отперъ двери, встрѣтилъ старичка стараго, поклонился ему, да и говоритъ: «Куда дѣдушка тебя Богъ несетъ?—Да иду, говоритъ старичекъ, Богу молиться, въ такой-то городъ, да вотъ застала темная ночь такъ и прошу васъ, примите на ночлегъ старика.—Изволь дѣдушка, изволь.—Эй жена! давай-ко поужинать дѣдушкѣ. Жена тотчасъ собѣла на столъ. Съѣлъ старичекъ, поужиналъ, помолился потомъ Богу, да и говоритъ мужу съ женою.—Спасибо вамъ добрыхъ люди, за хлѣбъ и ласку, заплатилъ бы я вамъ да не чѣмъ, а вотъ если хотите, то я скажу вамъ—будутъ ли у васъ дѣти, и что съ ними будетъ. Обрадовались мужъ съ женою, поклонились старику въ ноги, и говорятъ:—Открой намъ ста-

ричекъ, будутъ ли у насъ дѣти? мы ужъ давно ихъ желаемъ, потому, что живемъ въ довольствѣ, ни кого родныхъ у насъ нѣтъ, попремъ все останется зря и отказывать-то будетъ не кому. — Скажу вамъ, отвѣчаетъ старичекъ, все скажу: только не радостно для васъ будетъ, не рады вы будете и сыну, который у васъ родится, будетъ у васъ сынъ, только не будетъ онъ жить съ вами, сами вы его съ рукъ сбудете; будетъ онъ пропадать, потомъ убьютъ тебя, — своего отца и женится на твоей женѣ, — своей матери. Выслушавъ отъ старика такое предсказаніе, и мужъ, и жена сказали вмѣстѣ: «Пусть лучше бы ему не родится, а если родится, то лучше мы убьемъ его, чѣмъ дождемся отъ его такой бѣды. Переночевавъ, старичекъ утромъ всталъ, простился съ хозяевами и пошелъ своею дорогою. Послѣ предсказанія старичка прошелъ годъ и родился у мужа съ женою сынъ. — Что жена, говоритъ мужъ, старикъ — то который у насъ былъ на ночлегѣ, сказалъ правду, вѣдь точно у насъ родился сынъ, бѣда, какъ если сбудутся его и другія предсказанія, что намъ дѣлать, какъ ты думаешь?... предадимъ смерти своего сына, пусть онъ лучше умретъ отъ рукъ нашихъ, чѣмъ причинитъ намъ такіа несчастія. Жаль стало матери своего ребенка. Нѣтъ, говоритъ она, не

надо убивать его, положимъ его лучше въ корзину да и пустимъ на воду. — И то дѣло, говоритъ мужъ, только такъ опускать его въ воду не надо, потому-что кто нибудь спасетъ его, выраститъ и тогда пожалуй исполнится предсказаніе старика. — Какъ ты хочешь, но убивать его не надо. «Слушай жена, говоритъ мужъ, распоремъ ему брюхо да и пустимъ на воду въ корзину. Долго жена не соглашалась на это, но мужъ настоялъ на своемъ, разрѣзалъ брюхо мальчику и пустилъ его въ корзину въ морѣ. Корзинка будучи засмолена и большая, поплыла по морю и скоро прибило ее къ берегу. Въ это время выходила полоскать женщина, увидя корзину она подошла къ ней и найдя въ ней ребенка съ разрѣзаннымъ животомъ, сжалась надъ нимъ и взяла его съ собою, (ребенокъ былъ еще живъ). Придя домой, она зашила ему разрѣзанное мѣсто и оставила его воспитываться въ своемъ домѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ мальчикъ росъ, росъ и дожилъ до 18 лѣтъ, въ этотъ годъ, умерла воспитательница и оставила его опять сиротою. Не имѣя средствъ прокормить себя, сирота пошелъ искать себѣ работы, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, ему работы не нашлось и потому онъ пришелъ въ другой городъ, гдѣ изъ за хлѣба нанялся стеречь садъ у одного

богача, который жилъ со своей женою. Въ одну ночь онъ отправился караулить садъ, взявъ съ собою толстую дубину. Богачъ желая испытать неусыпную бдительность своего работника, взлезъ на кровлю дома и съ ней сталъ наблюдать за караульщикомъ. Караульщикъ замѣтя хозяина и не узнавъ его, а думая, что это воръ, бросилъ въ его дубиною и убилъ его до смерти! Жена хозяина и самый работникъ потужили, потужили да и перестали. Хозяйка оставила работника жить у себя и чрезъ годъ послѣ смерти мужа вышла за работника замужъ. Такъ и сбылось предсказаніе старика. Работникъ оказался сыномъ хозяйки, это она узнала по зашитому мѣсту на его животѣ.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ одинъ кузнецъ, человекъ бѣднѣйшій пребѣднѣйшій, а мастеръ своего дѣла, удивительный мастеръ, но счастье ему не давалось въ руки, какъ онъ не старался зашибить копѣйку, все напрасно. Въ кузницѣ, у этаго кузнеца, висѣлъ портретъ чорта, нарисованъ былъ онъ страшный престашный. Кузнецъ всегда во время своей работы взглянетъ нечаянно на картину чортову, да и плюнетъ или каленымъ желѣзомъ пихнетъ въ нее. Въ одно время работа была у него спѣшная, а дѣло не спорилось, такъ онъ съ досады каленымъ гвоздемъ чорту глазъ выжегъ; да и много разныхъ ругательствъ дѣлалъ кузнецъ надъ картиною. Чортъ зналъ про это, что кузнецъ издѣвается надъ его портретомъ, терпѣлъ, терпѣлъ и не вытерпѣлъ.—Постой, думаетъ, я задамъ кузнецу ходу. Взялъ онъ въ одно время, когда кузнеца не было въ кузницѣ и привалилъ огромный амнище къ дверямъ кузницы, такъ, что войти

въ нее небыло ни какой возможности, а самъ спрятался за кузницу и сталъ дожидать кузнеца. Вотъ пришелъ кузнецъ, видитъ, что у его кузницы привороченъ камнище, сталъ ругаться на пропалую потомъ и пошелъ за аншпугомъ, чтобы имъ своротить камень съ мѣста, аншпугъ лежалъ за кузницей. Вотъ бросился туда кузнецъ, взглянулъ и видитъ, что тамъ чортъ запрятавшись. — А, такъ это ты, сомной такую штуку сдѣлалъ, закричалъ кузнецъ. Потомъ схватилъ чорта за шиворотъ и давай его лудить аншпугомъ по спинѣ. Чортъ видитъ дѣло худо, кузнецъ бить не перестаетъ и сталъ онъ просить прощенья. — Ступай говоритъ кузнецъ, стащи камень на прежнее мѣсто да больше никогда мнѣ и на глаза не кажись, хуже изобью. Чортъ отворотилъ камень и ушелъ отъ кузнеца, а кузнецъ сталъ еще болѣе потѣшаться надъ картиною. Не вытерпѣлъ чортъ, задумалъ идти къ кузнецу; приходитъ въ видѣ чловѣка, въ синемъ картузѣ, въ желтомъ галстухѣ, въ коричневомъ фракѣ и съ палкою въ рукѣ. — Сдѣлай мнѣ, говоритъ онъ, кузнецу желѣзную вилу, а тебѣ дорого заплачу. «Изволь, говоритъ кузнецъ. — А дорого ли ты съ меня возьмешь за эту картинку? чортъ показалъ на свой портретъ. — Она у меня, говоритъ кузнецъ, не продажная, а за

вѣтная. Чортъ сталъ приставать къ кузнецу, продай, да продай дорого дамъ. Кузнецъ замѣтилъ, что покупатель пристаётъ. Посмотрѣлъ онъ на картузь, посмотрѣлъ на покупателя, да и замѣтилъ у него по выше ушей маленькія два рожка. «Постой, думаетъ, необманешь, догадался я, что ты за гусь такой, сдеру же я съ тебя за свой портретъ. Взялъ онъ каленое желѣзо, да и уткнулъ въ рыло нарисованному чорту, а настоящій чортъ сморщился. —Продай, говоритъ онъ кузнецу, я обогащу тебя. —А какъ ты обогатишь меня? —Да дамъ тебѣ кладъ, дорогой кладъ, только согласишься. —Ладно, говоритъ кузнецъ, изволь вести показывай гдѣ кладъ. —Пойдемъ, говоритъ чортъ, да и картину бери съ собою, какъ я тебѣ отдамъ кладъ, такъ ты мнѣ отдашь и картину. Кузнецъ согласился и они отправились. Вотъ приходятъ они въ лѣсъ, чортъ вырвалъ одно дерево и показалъ кузнецу котелъ золота. Схватилъ кузнецъ котелъ съ деньгами, бросилъ картину и пустился бѣжать только не въ ту сторону, гдѣ была его кузница, а совсѣмъ въ другую, да такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ неизвѣстно куда.

Чортъ и картежный игрокъ.

Былъ одинъ человекъ, бѣдный пребѣдный не-
зналъ онъ какъ поправить свое состояніе. Думалъ,
думалъ, да и надумалъ идти къ колдуну, просить
совѣта, какъ разжиться. Приходитъ онъ къ кол-
дуну и говоритъ ему:—Научи меня, какъ бы попра-
виться состояніемъ моимъ, я тебя за это забуду,
буду тебѣ слугою. «Изволь, говоритъ колдунъ, я
научу тебя, какъ поправиться, разбогатѣть даже:
Ступай ты въ заутреню свѣтлаго дня и положи
себѣ въ сапогъ туза бубноваго, а какъ кончится
заутреня, то ты ступай скорѣй къ себѣ домой не-
оглядываясь. Когда все это сдѣлаешь тогда ты мо-
жешь играть въ карты съ кѣмъ хочешь и ни ког-
да не проиграешь. Выслушавъ колдуна, бѣднякъ
отправился домой, и когда пришло время, то сдѣ-
лалъ все такъ, какъ говорилъ колдунъ и скоро,
разбогатѣлъ, все выигрывалъ въ карты. Въ одно
время идетъ онъ по улицѣ и попадаетъ ему на встрѣ-
чу прятель, съ какимъ то другимъ не знакомымъ.

Вотъ пріятель и говоритъ ему на ухо: «Пойдемъ, обыграемъ этого, который идетъ со мною. Игрокъ согласился, и пошелъ съ своимъ пріятелемъ къ нему въ домъ, а за ними пошелъ и третій. Долго они играли въ карты. Игрокъ много выигралъ, а проигралъ незнакомый. Наконецъ незнакомый бросилъ карты и говоритъ игроку, не все тебѣ выигрывать смотри на меня. Игрокъ взглянулъ и увидѣлъ, что пріятеля нѣтъ, незнакомаго тоже, а стоятъ вмѣсто ихъ два чорта, которые бросились на него, схватили и утащили съ собою.

Искатель клада.

Въ одной деревнѣ былъ поставленъ полкъ солдатъ по квартирамъ. Это было не задолго передъ Ивановымъ днемъ. Одинъ солдатъ, въ ночь на Ивановъ день, и пошелъ отыскивать папортникъ. (*) Вотъ часовъ въ одиннадцать ночи приходитъ онъ въ поле, всталъ задомъ къ лунѣ и давай замѣчать. Скоро сталъ разцвѣтать папортникъ и когда распцвелъ, то солдатъ подбѣжалъ къ цвѣтку и сорвалъ его, потомъ тотчасъ закаталъ цвѣтокъ въ воскъ и положилъ въ ротъ, а самъ пошелъ отыскивать кладъ; только на дорогѣ ему много было препятствія. Встрѣчались куры, величиною съ лошадь. Тарантасъ у котораго вмѣсто лошадей были запряжены козы, вмѣсто кучера сидѣлъ медвѣдь, въ тарантасѣ двѣ обезьяны, и много разныхъ разностей

(*) Цвѣтокъ, который по словамъ легковѣрныхъ, распцвѣтаетъ только въ ночь на Ивановъ день. Кто этотъ цвѣтокъ достанетъ, тотъ будто бы можетъ отыскать съ нимъ кладъ.

встрѣчалось ему на дорогѣ. Наконецъ, уже пройдя довольно далеко и близъ своей уже деревни, вдругъ встрѣчается ему коляска его полковаго командира, а въ ней сидитъ самъ полковой командиръ. Замѣтивъ солдата, онъ подозвалъ его къ себѣ; солдатъ снялъ фуражку.—Откуда ты идешь такъ поздно? «Ходилъ по надобности, отвѣчалъ солдатъ картаво.—Что у тебя ворту? сказалъ командиръ; выплюнь. Солдатъ выплюнулъ въ забывчивости воскъ и увидалъ тогда, что ни коляски съ полковымъ командиромъ и ничего близъ него не было, а въ лѣсу слышно было, какъ хохоталъ лѣсовикъ. Опростоволосился солдатъ, пошелъ повѣся голову въ деревню и разсказалъ, что съ нимъ такое происходило.

Новѣрья русскаго простаго народа.

Вотъ почему русскій, простой народъ, не любить ужасно мышей и даже имѣетъ къ нимъ отвращеніе. Положимъ, что крыса сама по себѣ отвратительное животное; но болѣе русскій простой народъ не любить ее за то, что по словамъ стараго нелѣпаго преданія, которое отъ стариковъ переходитъ внучатамъ и до сихъ поръ говорится, что крыса, будучи во время всѣмїрнаго потопа въ ковчегѣ Ноя, прогрызла въ немъ дыру, но *ужъ* заткнулъ эту дыру своею головою, по этому первую ненавидятъ а втораго любятъ. Къ воробьямъ же не любовь русскаго простаго народа призошла по другому преданію, а именно: будто воробьи приносили жидамъ гвозди когда Христосъ былъ приведенъ на распятіе. Осина-же потому постоянно трясется, что на ней будто-бы удавился Іуда предатель. Ворона любятъ за то, что онъ, будучи выпущенъ изъ ковчега, вернулся назадъ и принесъ вѣсть что потопъ кончился. Про сабаку говорятъ,

что она чистая, а шерсть у ней поганая, а именно, потому что она была сотворена голою и караулила рай, но пришелъ дьяволъ что бы искусить Адама и Евву, собака его не пускала, но дьяволъ навелъ на нее холодъ и она пустила его тогда, когда онъ далъ ей шубу т. е. шерсть, почему шерсть у собаки и поганая. Про кошекъ говорятъ, что они чистыя, а поганъ у нихъ ротъ, за то, что они ѣдятъ мышей. Говорять, будто въ каждомъ домѣ гдѣ нибудь за печкою непременно живетъ домовый. Козловъ держать въ конюшняхъ, потому, что домовый боится козла, по этому и не будетъ ходить въ конюшню мучить лошадей, а то будто-бы домовый которую лошадь не любить, то бьетъ ее всю ночь и отнимаетъ отъ нея кормъ, а которую любить, то заплетаетъ гриву ее въ косы и холить эту лошадь. И много такихъ нелѣпныхъ повѣрьевъ живетъ между русскимъ простымъ народомъ и въ нихъ вѣрятъ незная истинны.

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИГИНА
Алексея Викторовича

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	VII.

Л Е Г Е Н Д Ы.

Три булки	1.
Завистливый.	8.
Благочестивая жена	11.
Купцово счастье	16.
Что Богъ назначить то и будетъ.	22.
Кумова постеля.	24.
Хромоногій скрипачъ	40.
Портной и лѣшій	44.
Несъ да не донесъ	46.
Старичекъ предсказатель.	47.
Кузнецъ и чортъ	51.
Чортъ и картежный игрокъ.	54.
Искатель клада	56.
Повѣрья русскаго простаго народа	58.

ДОПОЛНЕНИЕ.

ДОПОЛНЕНІЕ
КЪ РУССКИМЪ
ПРОСТОНАРОДНЫМЪ
ЛЕГЕНДАМЪ.

РАЗСКАЗАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ
Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Іюня 30 дня 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

Въ типографіи **Θ И. ИВАНОВА.**

Тарарушка.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ съ женою, у ихъ былъ сынокъ Тарарушка, и былъ онъ большой дурень, пришло время отецъ Тарарушкинъ умеръ, а matka и говоритъ сынку дурню: «Что ты Тарарушка не плачешъ? пошелъ-бы хоть лукомъ натерся да заплакалъ. Послушалъ Тарарушка свою матку, пошелъ на огородъ, схватилъ луковицу, да и давай ею себя по глазамъ, да по носу колотить, носъ въ кровь разбилъ. Увидали это мужики, схватили Тарарушку, отняли отъ него луковицу, потаскали его за волосы, да и прогнали домой. Приходитъ Тарарушка домой, плачетъ, а мать и спрашиваетъ, что съ тобой сынокъ, кто тебя?—Я, говоритъ Тарарушка, пошелъ въ огородъ, да сталъ тамъ луковицей глаза бить, а меня за это мужики за волосы отгаскали. «А съ чѣмъ эти мужики шли, что несли? (спрашиваетъ мать Тарарушку). Шли, отвѣчаетъ Тара-

рушка, да несли ведро вина и ведро пива.—Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты бы сказалъ имъ: пиво да вино. — Пойду скажу. Вышелъ Тарарушка на улицу и видитъ, что у кабака дерутся два мужика изъ за пива да вина; онъ подбѣжалъ къ нимъ да и давай кричать: пиво да вино! пиво да вино! Мужики осерчали на Тарарушку, схватили его, оттащали за волосы, да и домой прогнали. Прибѣжалъ Тарарушка домой плачетъ; а matka и спрашиваетъ: Кто тебя Тарарушка? — Пошелъ я, говоритъ Тарарушка, на улицу, дерутся два мужика я и давай кричать имъ: пиво да вино! пиво да вино! а они меня и прибили.—А кто эти мужики? — Перевозчики. «Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты бы за это сказалъ имъ: перевозить бы вамъ не перевозить, переносить-бы вамъ не переносить. — Ладно пойду, говоритъ Тарарушка, такъ и скажу имъ; выбѣжалъ онъ на улицу несутъ покойника, а Тарарушка забѣжалъ въ передъ да и давай кричать: — Носить-бы вамъ не переносить, возить-бы вамъ не перевозить. Услыхали люди эти слова, схватили Тарарушку, за волосы оттащали да и домой прогнали. «Кто тебя обидѣлъ сынокъ? спрашиваетъ matka Тарарушку. — Вышелъ я на улицу, говоритъ Тарарушка, вѣзутъ много лошадей, много людей, вѣзутъ коры.

то другимъ покрыто, я говорю: «Возить-бы вамъ не перевозить, носить-бы вамъ не переносить, а они меня прибили. — Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, пошелъ бы ты да сказалъ: Канонъ да ладонъ. Пойду, говорить Тарарушка скажу, вышелъ онъ на улицу вѣзутъ свадьбу, а онъ и давай кричать. — Канонъ да ладонъ, канонъ да ладонъ. Услыхали это люди, схватили Тарарушку за волосы, да и давай таскать. Приходить Тарарушка домой, а matka и спрашиваетъ. «Кто тебя сынко? Вышелъ я: говорить Тарарушка на улицу, вѣзутъ много телегъ, много бабъ и мужиковъ, и поютъ они пѣсни; подбѣжалъ я къ нимъ да и давай кричать: «Канонъ да ладонъ, меня за это схватили за волосы да и прибили. Эхъ ты Тарарушка, ты-бы самому молодому поклонился да и сказалъ-бы: «Чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться и дѣтамъ твоимъ бородку замарать. Пойду, говорить Тарарушка скажу такъ. Выходитъ онъ на улицу и видитъ мужикъ на телегу навозъ накладываетъ; подбѣжалъ къ нему Тарарушка и давай кричать: — Чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться и дѣтамъ твоимъ бородку замарать. Услыхавъ это мужикъ, схватилъ Тарарушку за волосы и давай таскать. Пришелъ Тарарушка домой. — Что съ тобою? спрашиваетъ мать. Вышелъ я на улицу, го-

ворить Тарарушка, кладетъ мужикъ навозъ я подбѣжалъ да и сказалъ: «чтобъ тебѣ разговѣться, заговѣться, да дѣтямъ твоимъ бородку замарать. — Эхъ! ты Тарарушка, Тарарушка, взялъ бы ты да его палкой. Взялъ Тарарушка палку, и вышелъ на улицу, вотъ и видитъ онъ, дерутся двѣ собаки, подбѣжалъ онъ къ нимъ да и ударилъ палкою; собаки разсердились да и обкусали у Тарарушки ноги. Приходитъ онъ домой. — Что съ тобой? спрашиваетъ мать. Вышелъ я на улицу и вижу дерутся двѣ собаки, я схватилъ палку да и ударилъ, а онѣ мнѣ ноги обкусали. — Эхъ! ты Тарарушка, Тарарушка, за чѣмъ ты ихъ трогалъ плюнулъ-бы, — да и все. — Пойду, говоритъ Тарарушка, плюну; вышелъ онъ на улицу, видитъ идетъ дѣдъ рукава спусти, онъ и плюнулъ на него, а тотъ схватилъ его за волосы да и давай таскать. Пришелъ Тарарушка домой. — Кто тебя спрашиваетъ его matka? Вышелъ я говоритъ Тарарушка на улицу идетъ дѣдко, рукава спусти, я и плюнулъ на него а онъ схватилъ меня за волосы да и притаскалъ. — Эхъ ты Тарарушка, Тарарушка, ты-бы подошелъ къ нему поклонился, да и сказалъ-бы здравствуй дѣдушка! — Ладно говоритъ Тарарушка, пойду сдѣлаю такъ. Входитъ онъ въ лѣсъ и видитъ: идѣтъ медвѣдь, Тарарушка поклонился ему да и говоритъ:

Здравствуй дѣдушка? Медвѣдь схватила Тарарушку, подмяла подъ себя мала, мала его а потомъ и побѣжала въ лѣсъ; а Тарарушка чуть живой пришелъ къ своей маткѣ.—Кто тебя это? спрашиваетъ matka. Шелъ я, говоритъ Тарарушка, по лѣсу идетъ дѣдушка мохнатый я и говорю: «здравствуй дѣдушка! а онъ схватилъ меня да и давай ломать чуть живаго отпустилъ.»

Въ одно время мать Тарарушки послала его продать холстъ. Приходитъ Тарарушка въ лѣсъ обмоталъ березу въ свой холстъ да и пошелъ домой. Ну что продалъ-ли холстъ? спрашиваетъ matka.—Продавъ говоритъ Тарарушка.—Ну а деньги принесъ?—Нѣтъ, говоритъ Тарарушка, за деньгами послѣ придти велѣли. Посылаетъ мать Тарарушку за деньгами; приходитъ онъ къ той березѣ, на которой былъ холстъ навѣренъ, видитъ холста нѣтъ, а у березы стоитъ котелъ съ золотомъ; взялъ котелъ Тарарушка да и пошелъ домой. Приходитъ онъ домой да и отдалъ котелъ матери; а та говоритъ:—Поди Тарарушка да попроси у сосѣда мѣрочки золото мѣрить. Пошелъ Тарарушка къ сосѣду:—Дай говоритъ мѣрочки, золото мѣрить, я кладъ нашелъ; сосѣдъ далъ мѣрочку, а самъ и думаетъ: постой я этотъ кладъ, оттягаю. Приходитъ, Тарарушка, домой и приноситъ мѣрочку, а

мать и говоритъ ему: — Поди, говоритъ, Тарарушка выди за варота покудова я деньги мѣряю. ты постой, и какъ увидишь, что кто идетъ то и свисни. Ладно, говоритъ Тарарушка, и пошелъ; взялъ онъ дубину, сталъ у воротъ, да и поглядываетъ во всѣ стороны, а сосѣдъ и идетъ, подошелъ близко къ Тарарушкѣ, а тотъ какъ его свиснетъ дубиною по лбу; тотъ и ноги къ верху задралъ. Мать Тарарушки вышла на улицу и видитъ убитаго. — Кто его убилъ? спрашиваетъ она. — Я, говоритъ Тарарушка. Матка его пожурила да и говоритъ: Смотри молчи, я его на чердакъ спрячу. Ладно, говоритъ Тарарушка, буду молчать. Матка Тарарушки похоронила убитаго, а на чердакъ положила зарѣзаннаго козла. Дѣти сосѣда увидѣли Тарарушку и спрашиваютъ: — Не видалъ-ли ты нашего батьки? Я, говоритъ Тарарушка, убилъ его. Какъ убилъ? Да такъ, матка мнѣ сказала, «кто поидетъ такъ ты свисни», я взялъ дубину да вашего батьку и свиснулъ по лбу. — Гдѣ же онъ? спрашиваютъ дѣти. Да на чердакѣ лежитъ. Вотъ пошли на чердакъ, да и говорятъ Тарарушкѣ: — Тащи же Тарарушка убитаго. А что вашъ батька о четырехъ ногахъ былъ? спрашиваетъ Тарарушка. — О четырехъ, тащи Въ шерсти былъ? — Въ шерсти, тащи. Съ хвостомъ былъ? Съ хвостомъ, тащи. — Съ рогами былъ? — Съ

рогами, тащи. Схватилъ Тарарушка козла, да и бросилъ его въ низъ. Какъ увидали всё, что ихъ обманулъ Тарарушка, засмѣялись и пошли домой.

Комары пѣвчіе.

Шелъ человекъ дорогою, и видитъ, этотъ человекъ, что предъ нимъ цѣлою копною вьются комары. И говоритъ человекъ, комарьимъ голосомъ: Что вы такое за люди? Говорять, отвѣтъ держать комары, человеку, — говорящему комарьимъ голосомъ: Мы люди пѣвчія. — Эхъ, говоритъ человекъ, пришли бы вы ко мнѣ, по пѣть въ мой праздникъ. — А когда ты празднуешь своему празднику? — Въ новый годъ мой праздникъ бываетъ, говоритъ имъ человекъ, говорящій камарьимъ голосомъ. — О, нѣтъ отвѣчаютъ комары, у насъ тогда и голосовъ нѣтъ, мы тогда и не поемъ.

Дурень.

Жили были три брата и торговали они въ городахъ, разными мелочами. Только въ одинъ годъ и посылаетъ отецъ двухъ старшихъ торговать, а третьяго котораго называли дурнемъ, оставилъ дома. Поѣхали два брата, и на пути, ночью, остановились они ночевать у мужика, мужикъ пустилъ ихъ и говоритъ: «Пейте, ѣшьте, да завѣтъ помните, что ночью изъ дома не выходить. Братья согласились, а когда пришла ночь ихъ такъ и стало подмывать какъ бы уйти. Вотъ старшій братъ разбудилъ мужика и говоритъ.—Смерть выйти на улицу хочется, пусти. «Ступайте, говоритъ мужикъ, только воевъ лишитесь. Братья согласились и пошли на улицу, за то безъ воевъ и домой пріѣхали. Тогда дурень и сталъ просится, говоритъ отцу:—Пусти батюшка меня торговать, я привѣзу тебѣ и свой возъ и братнины воезы, да и еще лишній достану. Подумалъ, подумалъ отецъ, да и рѣшился.—Поѣзжай, говоритъ, наживай, да послѣдняго не потѣрай. Взялъ дурень возъ и поѣхалъ;

пришлось и дурню ночевать у того мужика, у которого его братья ночевали, да возы оставили. Вот и говорит мужикъ дурню: «Напою я, накормлю тебя, только завѣтъ помни, не просись гулять на улицу. — Ладно, говоритъ дурень, не попрошусь; а его такъ и подмываетъ, какъ-бы прогулялся; думалъ, думалъ онъ, да и придумалъ, видитъ, что мужикъ спитъ крѣпко, вылезъ онъ тихонько въ окно, да въ шапку мужика и на-клялъ грязи, а самъ взявъ четыре воза съ товарами уѣхалъ со двора. Проснулся мужикъ рано: видитъ гостя нѣтъ, схватилъ онъ шапку, надѣлъ ее на голову, не замѣчая что грязь по немъ течетъ, да такъ и побѣжалъ по улицѣ, вора искать; только дурень не сказалъ ему настоящего имя а назвалъ себя. «Какофьемъ.» Вотъ бѣжитъ мужикъ да кричитъ встрѣчнымъ: Не—видали-ли каковъ-я? — Да ты весь въ грязи, отвѣчаютъ ему. — Я васъ спрашиваю, не видали ли каковъ—я? Да говорятъ тебѣ, весь въ грязи. Тогда только мужикъ дагодался, спохватился, что его надулъ дурень, да ужъ дѣлать-то было нечего.

Два мудреца.

Шли два старика дорогою, и пришли они ночевать къ одной бѣдной вдовѣ, оба эти старика были мудрецы. Вдова приняла ихъ, напоила, на кормила, и спать положила, а и было у той вдовы всего богатства одна корова съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Переночевали старики, встали рано утромъ и пошли въ дорогу. Вдругъ попадаетъ имъ на встрѣчу волкъ голодный и говоритъ имъ человѣчьимъ голосомъ. «Больно мнѣ ѣсть хочется». Вотъ одинъ старикъ и говоритъ волку:—Поди ты въ стадо и найдешь и увидишь тамъ корову, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, возьми съѣшь ее. Волкъ побѣжалъ въ стадо.—Зачѣмъ же ты, говоритъ другой старичекъ первому, велѣлъ съѣсть у бѣдной вдовы корову, вѣдь она насъ такъ приняла ласково? Увидишь, пойдемъ дальше, говоритъ старичекъ, и они пошли дальше; шли, шли они и къ ночи подошли къ дому богача, близъ котораго ва-

лялся кѣмъ-то потѣрянный боченокъ золота. Первый старикъ взялъ боченокъ и вкатилъ его на дворъ богатаго; тогда второй старичекъ и спрашиваетъ: — Скажи мнѣ, за что ты дѣлаешь этому богачу добро, или онъ стоитъ этаго? — А вотъ увидишь, отвѣчаетъ первый и началъ стучать въ окно богача и проситься ночевать. Услыша его богачъ, приказалъ своимъ служителямъ прогнать отъ дома просившихся стариковъ. Тогда первый старичекъ и говоритъ второму: — Вотъ видишли какъ этотъ богачъ не милостивъ, но пойдемъ дальше. Шли, шли они и приходятъ къ одному богатому человѣку, попросились ночевать и когда ихъ впустили, посадили за столъ ужинать, тогда первый старикъ схватилъ серебрянное блюдо и бросилъ его въ морѣ: гостепріимный богачъ ничего не сказалъ а на другое утро отпустилъ ихъ съ честію. На дорогѣ встрѣтилась имъ пустая старая лачуга, они ночевали въ ней, а на другой день старикъ разломалъ ее и пошелъ съ своимъ спутникомъ дальше. — Скажи мнѣ, спросилъ спутникъ своего товарища, за что ты велѣлъ волку заѣсть корову? — Затѣмъ, отвѣчалъ старикъ, что корова эта у ней давно похищена у другихъ. — Ну а за что богачу прикатилъ боченокъ золота? — Затѣмъ, что отецъ его сдѣлалъ мнѣ много добра.

—Ну а за что ты бросилъ блюдо въ морѣ? Потому что оно не добромъ у его на жито.—Зачѣмъ разломалъ лачугу? За тѣмъ, что въ ней жили разбойники и зарывали тутъ свои деньги.

Золотое стремя.

Жилъ одинъ мужикъ, бѣдно пребѣдно; и попросился въ одну ночь къ нему на ночлегъ одинъ воинъ; принялъ его мужикъ, напоилъ, накормилъ и коня его убралъ. Дивился мужикъ и богатой одѣждѣ воина, и его богатому коню—отлично убранному. Рано утромъ сталъ воинъ собираться въ дорогу, да и разговорился съ мужикомъ, сталъ спрашивать, какъ онъ живетъ. — Плохо живу, говоритъ мужикъ, просто съ голода умираю, научи меня добрый человѣкъ какъ—бы мнѣ поправиться? «Изволь, отвѣчаетъ воинъ, я тебя научу, только не теперь, объ этомъ надо подумать: назадъ поѣду такъ научу.—Да заѣдешь-ли ты коня? Заѣду.—Забудешь пожалуй, а вотъ для памяти, оставь мнѣ золотое стремя, назадъ поѣдешь возьмешь. Воинъ согласился и простился съ мужикомъ. Черезъ нѣсколько времени пришлось опять ему ѣхать мимо дома этаго мужика, тутъ онъ и вспомнилъ, что его просилъ мужикъ, а было некогда; постоя, думаетъ онъ, какъ нибудь

надую мужика; приходитъ къ ему: «Здравствуй! говорить. «Здравствуй батюшка, отвѣчаетъ мужикъ, ну что батюшка надумалъ-ли какъ мнѣ разжиться?—Надумалъ, вотъ тебѣ мой совѣтъ, что возьмешь чужое, говори что не бралъ, а шибко приставать будутъ, то побожись, ничего, тогда и разбогатѣешь.—«Только и нужно?—Да.—«Ну, спасибо отецъ мой, спасибо.—Такъ давайже мое стремя. «Какое? — А которое я тебѣ оставилъ на память.—Я не бралъ.—Какъ не бралъ?—Не бралъ—ей Богу не бралъ. Такъ мужикъ и забожилъ стремя.

Что человекъ захочетъ то и сдѣлаетъ.

Жилъ былъ старичекъ уединенно въ своей избушечкѣ, сидѣлъ онъ въ одно время и думалъ думу; думаетъ онъ: «говорится—же, что человекъ чего низахотѣлъ-бы, все ему будетъ, все онъ достать можетъ; нѣтъ, неправда это, вздумалъ-бы я взять себѣ въ замужество дочь княжескую, этаго быть не можетъ, потому, что я и ни чего не значу да и старъ,... а испытать нужно.» Вотъ и приходитъ онъ къ князю и говоритъ ему: —«Отдай ты мнѣ князь свою дочь въ замужество. — Изволь, говоритъ князь смѣясь, достань ты мнѣ только самоцвѣтный камень, тогда я отдамъ тебѣ дочь мою. Поклонился старикъ князю, да и пошелъ домой, говоря самъ про себя: Вотъ и выходитъ, что быть не можетъ того, что-бы я захотѣлъ; гдѣ я токой камень возьму, его кажись и во сто лѣтъ не отыщешь; такъ онъ разсуждалъ, да разсуждалъ, да вдругъ и услышалъ что кто то въ рукомойникѣ плещется, взглянулъ а тамъ и сидитъ чертенокъ. Старичекъ тотчасъ догадался

что дѣлать нужно было, онъ разомъ и закрестилъ чертенка въ рукомойникъ, тотъ бился, бился какъ-бы вырваться, нѣтъ, не можетъ, и сталъ онъ просить старичка:—«Выпусти, говоритъ, сдѣлай милость.—Нѣтъ не выпущу, говоритъ старичекъ, а если хочешь, чтобы я тебя выпустилъ, то обѣщай мнѣ достать самоцвѣтный камень. «Изволь достану только выпусти. Старикъ тотчасъ выпустилъ его; а чертенокъ и говоритъ:—«Садись на меня, полетимъ со мною.» Сѣлъ старикъ на чертенка, а тотъ и поднялся съ нимъ на воздухъ, да такъ быстро, что съ головы старика и шапка свалилась.—Постой, говоритъ старикъ чертенку, шапку я уронилъ, поднять надо.—Нѣтъ, говоритъ чертенокъ, ужъ мы десять тысячъ верстъ отлѣтели и полетѣлъ дальше, летѣлъ летѣлъ онъ и спустился въ адъ. Старику же, у воротъ ада, велѣлъ себя подождать, а самъ въ адъ пошелъ. Приходитъ чертенокъ назадъ къ старику, отдаетъ ему камень да и говоритъ: «Украсть-то я камень укралъ, но не легко мнѣ было пронести его, поймали было, садись на меня, да полетимъ назадъ, я обѣщаніе свое исполнилъ. Старичекъ сѣлъ на чертенка и полетѣли къ хижинѣ старика, чертенокъ и говоритъ: «Пусти въ твою избушку меня, отдохнуть немного.—Изволь, говоритъ старичекъ, отдохни,

да покажи мнѣ, какъ ты такой большой могъ за-
прятаться въ маленькой рукомойникъ? А вотъ какъ
отвѣчаетъ чертенокъ; тутъ онъ превратился въ
маленькаго, съ муху ростомъ, да и залѣзъ въ ру-
комойникъ, а старичекъ въ это время подбѣжалъ
да и закрестилъ его, чертенокъ такъ и остался
сидѣть въ рукомойникѣ; а старикъ хотя за камень
и получилъ согласіе княжеское, но отказался.—Я,
сказалъ онъ Князю, только хотѣлъ узнать, можетъ
ли человѣкъ получить то что онъ захочетъ.

О БОБЫЛѢ.

Жилъ одинъ бобыль, и пошелъ разъ этотъ бобыль въ лѣсъ, дрова рубить; подходитъ онъ къ одной липѣ,—да только замахнулся топоромъ, а липа и заговорила человѣческимъ голосомъ:—«Не руби меня добрый человѣкъ; я тебѣ пригожусь. Бобыль не сталъ ее трогать и спрашиваетъ:—Какъ-же ты мнѣ годишься?—Да проси у меня чего хочешь я всѣ дамъ тебѣ.—Хорошо, говоритъ бобыль, дай ты мнѣ новую избу.—Ступай, говоритъ липа, у тебя есть новая изба, а что тебѣ понадобится опять, приходи ко мнѣ. Поклонился бобыль липѣ и пошелъ домой, приходитъ-видитъ точно вмѣсто его старой избы, стоитъ новая, хорошая и большая изба. Бобыль просто глазамъ своимъ не повѣрилъ, потомъ вошелъ онъ въ избу: всего тамъ было въ доволъ. Пожилъ бобыль съ недѣлку, наскучила ему эта жизнь, захотѣлъ онъ получше и приходитъ опять къ липѣ.—Здравствуй, говоритъ онъ, матушка липа, пришелъ я къ тебѣ просить у тебя богатства. Липа дала ему богат-

ство, потомъ бобыль попросилъ липу, чтобы она
ею знатнымъ сдѣлала, — липа сдѣлала. Бобыль и
сталъ ходить къ ней, да просить, то того, то
другаго; наконецъ онъ надоѣлъ ей, да и при-
шелъ онъ разъ къ ней просить себѣ царства.
Тогда липа и преобратила его въ медвѣдя, по-
тому у медвѣдя лапы и походятъ на человѣчьи
руки.

Работникъ—Мельникъ.

Жилъ—былъ въ деревнѣ мельникъ, и былъ у этаго мельника работникъ расторопный, работающій смѣтливый парень. Въ одно время въ эту деревню случилось пріѣхать князю, и захватилъ этотъ князь въ домъ мельника, потому что домъ его лучше всѣхъ былъ. Испугался мельникъ такой милости, и проситъ работника, быть предъ княземъ вмѣсто его, и отвѣчать за него на вопросы. Когда—работникъ, вмѣсто своего хозяина, явился предъ княземъ, то тотъ сталъ его спрашивать: Скажи мнѣ, много—ли песчинокъ на днѣ моря?—Столько, отвѣчаетъ работникъ, сколько на небѣ звѣздъ.—А много ли звѣздъ на небѣ?—Да пять миліоновъ звѣздъ.—Врешъ, говоритъ князь, не можетъ быть.—Невѣришь, говоритъ работникъ, такъ пойди самъ сосчитай князь.—Теперь скажи ты мнѣ что я думаю?—Ты князь думаешь что я мельникъ, нѣтъ не мельникъ,—а его работникъ. За такіе отвѣты князь наградилъ работника и поѣхалъ далѣе.

Голубой жерновъ.

Жилъ старикъ со старухою, жили они очень бѣдно. Въ одно время старикъ пошелъ въ лѣсъ, дрова рубить и нашелъ голубой жерновъ, да пѣтушка съ золотымъ гребешкомъ; принесъ все это старикъ домой, давай пѣтушка кормить, а жерновомъ молоть, и такой этотъ былъ жерновъ, что самъ муку мололъ и изъ четверти—десять дѣлагъ. Въ одно время къ этому старику попросился ночевать баринъ; увидѣлъ онъ у старика такой дорогой жерновъ да и говоритъ старику:—Продай мнѣ свой голубой жерновъ.—Нѣтъ, говоритъ старикъ, не продамъ, себѣ нуженъ.—«Ладно, думаетъ проѣзжій баринъ, не продашь, такъ я его украду у тебя. Вотъ ночью когда всѣ спали, онъ всталъ тихонько съ постели, взялъ жерновъ, да и долой со двора. Проснулись старикъ со старухою, схватились—нѣтъ ни жернова, ни проѣзжаго, тутъ они и завyli.—Не плачте, говоритъ имъ пѣтушокъ,

человѣчьимъ голосомъ, я достану вамъ вашъ жерновъ. Вотъ пѣтушекъ запѣлъ и полетѣлъ жерновъ выручать; прилетѣлъ онъ на кровлю дома того барина, который жерновъ укралъ, да и давай кричать: *баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!* Баринъ слушалъ, слушалъ, даже ему надоѣло, онъ и приказалъ этаго пѣтуха поймать. Поймали пѣтуха принесли къ барину, а тотъ взялъ его ошипалъ, да и бросилъ въ прудъ. Пѣтухъ давай пить воду, да приговаривать: *«пѣй воду, пѣй воду,»* да всю воду въ прудѣ и выпилъ, потомъ взлетѣлъ на кровлю и давай опять кричать: *«баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!»* Тогда баринъ приказалъ поймать пѣтуха и бросить его въ печьку. Поймали пѣтуха, разожгли дрова въ печькѣ и бросили пѣтуха туда. Пѣтушекъ сталъ заливать печь водою, приговаривая: *«лей воду, лей воду,»* и залилъ огонь, потомъ пѣтушекъ влетѣлъ на кровлю и давай кричать: *«баринъ, баринъ, отдай нашъ жерновъ!»* Баринъ приказалъ поймать пѣтушка и велелъ его поджарить, да потомъ и съѣлъ. Но пѣтушекъ не унялся:—высунулъ онъ изъ барскаго рта свою голову, да и давай кричать: *«баринъ, баринъ, подай нашъ жерновъ!»* тогда баринъ разсѣрдился, схватилъ саблю, хотѣлъ ею пѣтуху голову отсѣчь, да и ударилъ себя по лицу саблею,

и перерубилъ себѣ лице; тогда пѣтушекъ вылетѣлъ изъ барина; схватилъ свой жерновъ и прилетѣлъ къ старику со старухою.

Солдатъ и смерть.

Отслужилъ солдатъ царю, двадцать пять лѣтъ, вѣрою и правдою, и идетъ домой въ свою деревню: денегъ у него было три алтына. Одинъ алтынъ положилъ солдатъ на хлѣбъ, другой на вино, а третій на табакъ. Идетъ онъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ; вдругъ встрѣчается съ нимъ на дорогѣ старичекъ, нищій, и проситъ солдата: «Подай Христа ради,» солдатъ подумалъ, подумалъ, и говоритъ самъ себѣ: «отдамъ старику алтынъ, останусь самъ безъ хлѣба.» Отдалъ онъ алтынъ старику, и пошелъ дальше; идетъ онъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ. Вдругъ, попадаетъ ему на дорогѣ другой старичекъ, и говоритъ солдату: «Подай Христа ради,» подумалъ, подумалъ солдатъ, да и сказалъ самъ себѣ:—«отдамъ старичку алтынъ, пусть останусь безъ вина.» Отдалъ онъ старичку алтынъ и пошелъ далѣе; идетъ пѣсенки попѣваетъ, да трубочку покуриваетъ; вдругъ ему на встрѣ-

чу идетъ третій старичекъ, и просить солдата: «Подай ради Христа,» подумалъ, подумалъ солдатъ, да и говорить самъ себѣ:—«дай отдамъ старичку послѣдній алтынъ», и пошелъ далѣе; идетъ трубочку покуриваетъ, да пѣсенки попѣваетъ. Вдругъ встрѣчается ему смерть. «Здравствуй, говоритъ, служба, куда идешь? — Иду домой побывать, отслужилъ царю службу, такъ отдохнуть хочу. «Да служба, нуженъ тебѣ покой, хочешь, пойдемъ со мною, я тебѣ хорошее мѣсто дамъ? — Пойдемъ пожалуй, я не прочь, отвѣчаетъ солдатъ, и пошелъ со смертью. Шли, шли они и пришли они въ такой садъ, въ которомъ растутъ разные растенія, и цвѣты, и фрукты, и разные деревья, тутъ смерть и оставила жить солдата, а сама пошла шататься по свѣту. Гулялъ, гулялъ солдатъ по саду, скучно ему стало, ни выпить вина нельзя, ни табаку нѣтъ, раздосадовалъ онъ, да и пошелъ вонъ. Идетъ онъ дорогою, да поетъ пѣсни, вдругъ встрѣчается ему смерть. «Зачѣмъ-же ты, служба, спрашиваетъ смерть, изъ сада ушелъ?» — Да что тамъ мнѣ, одному дѣлать, нѣтъ тамъ ни выпивки, ни табачку, просто скука смертная. «Ну, не горюй объ этомъ, пойдемъ со мною, дамъ я тебѣ, и вина, и табаку. Повѣла его смерть, и привѣла въ адъ,

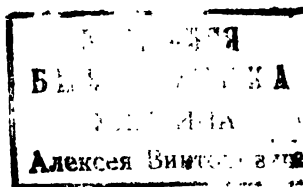
тамъ черти встрѣтили солдата: скачутъ, пляшутъ, и на бубнахъ играютъ, попросилъ солдатъ табачку, ему тотчасъ цѣлую трубку набили табакомъ, попросилъ солдатъ выпить водочки, ему тотчасъ цѣлый ковшъ притащили, выпилъ солдатъ вино, и еще попросилъ, ему еще подали, а какъ онъ выпилъ этотъ-то ковшъ, такъ и давай буянить: набралъ палокъ, поставилъ чертей въ строй, роздалъ имъ палки, и давай ихъ военному артикулу учить, который чертенокъ не поворотливъ, худо артикулъ выкидываетъ, того сейчасъ по зубамъ, по шее, по мордѣ, и переколотилъ онъ такъ почти что всѣхъ чертей. Это имъ обидно показалось, не рады стали они такому гостю; и стали придумывать, какъ-бы имъ отъ солдата избавиться, стали просить его, чтобы ушелъ вонъ,—не идетъ, гонютъ—по зубамъ дерется, думали, думали и придумали: послать одного чертенка изъ ада, да и велѣть въ барабанъ тревогу забить. Вотъ чертенокъ выбѣжалъ изъ ада, и давай тревогу бить; солдатъ знаетъ военную службу, услышалъ барабанный бой, и выбѣжалъ на бой барабана, а черти этого и ждали, какъ ушелъ солдатъ, они тотчасъ ворота и заперли; нельзя войти солдату. Ходилъ, ходилъ онъ во кругъ ада, видить что въ него попасть нельзя, плюнулъ, да

и пошелъ дальше. Вдругъ встрѣчается ему смерть. «Ну, что служба, спрашиваетъ она, ты и тутъ не ужился? — Да я бы сталъ жить пожалуй, да меня выжили хитростию. «Кудажъ ты теперь пойдешъ служба? — Да куда глава глядятъ, куда ноги понесутъ. «Пойдемъ со мною? — Пойдемъ, говоритъ солдатъ. И пошелъ онъ вмѣстѣ со смертію. Шли, шли они дорогой, да и разговорились, спрашиваетъ солдатъ смерть: «Куда ты идешь? — Иду я, говоритъ смерть, морить старыхъ людей. «Эхъ, думаетъ солдатъ, самъ себѣ, заморить она у меня, отца старика, да постой, я ее надую. «Послушай меня, говоритъ солдатъ смерти, чѣмъ намъ двоимъ идти, оба мы устанемъ, такъ давай положимъ такъ, нести другъ друга по очереди. — Давай пожалуй, да какой же мы уговоръ положимъ? «А вотъ какой: я повѣзу тебя впередъ, ты сиди на мнѣ, да и пой пѣсню, а какъ пѣсня кончится, тогда я поѣду на тебѣ до конца моей пѣсни. — Хорошо, ну вези меня; смерть зашла на солдата, и зашла самую длинную пѣсню. Пѣла, пѣла, наконецъ перестала, тогда солдатъ съелъ на нее, и заплъ: тра-ла-ла, тра-та-та, смерть везетъ, а солдатъ поетъ. «Да скороли конецъ-то? спрашиваетъ смерть. — Нѣтъ еще, отвѣчаетъ солдатъ, это только начало. Смерть опять везетъ,

а солдатъ поетъ. «Да скороли конецъ? — Нѣтъ еще, и половины нѣтъ; смерть везла, везла, уму-чилась и упала; тогда солдатъ связалъ ей руки и ноги кушакомъ, и повѣсилъ ее на дерево, а самъ пошелъ дальше, думая самъ про себя: пусть она повиситъ, а отецъ мой поживетъ. Идетъ, да такъ и размышляетъ, только вдругъ пырь ему навстрѣчу смерть, откуда взалась неизвѣстно. «А! закричала она солдату, такъ ты вотъ какъ поступилъ со мною, постой, я теперь съ тобою раздѣляюсь, вотъ тебѣ гробъ ложись въ него, я тебѣ жизнь прикончу. Дѣлать нечего было солдату, приготовился умирать, и легъ, только поперегъ гроба. «Не такъ ложишься, говоритъ ему смерть. Солдатъ легъ другимъ бокомъ. «Не такъ, говоритъ опять смерть, пусти меня, я покажу тебѣ, какъ надобно ложиться, солдатъ вылезъ изъ гроба, а смерть легла въ него и руки крестомъ сложила, солдатъ только и ждалъ этого, схватилъ крышку отъ гроба, покрылъ ею гробъ, заколотилъ желѣзными обручами, и да бросилъ гробъ въ море, а самъ пошелъ дальше. Идетъ онъ, вдругъ пырь ему въ глаза смерть. «Теперь то ты отъ меня не уйдешь! — Нѣтъ, говоритъ солдатъ, уйду. «А не уйдешь! — Полно уйду, я по хитрѣе тебя, я хитрую щелку пролезу. «Я сама промъ

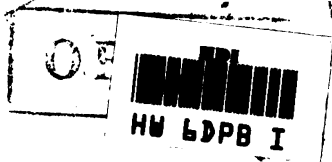
— Гдѣ тебѣ, говоритъ солдатъ, тебѣ въ мой рожокъ не влезть, а я влезу хоть въ самый маленький. «Нѣтъ влезу. — Нѣтъ не влезть, не хвастай. «А вотъ смотри: и смерть превратилась въ маленькую—премаленькую, и влезла въ рожокъ, а солдатъ закупорилъ рожокъ, и положилъ въ карманъ.

спрашиваю
солдатъ, э

018700/481

25-00

9336/52

ОНДА

